

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Капитализм - не экономика, а власть

- «Божество без маски, голый король и власть денег в собственном дворце»
- 2.1. Капитализм: не экономика, а власть
- 2.2. Где и когда происходило развитие капитализма в реалиях общества и цивилизации?
- 2.3. Положение Европы на заре рождения капитализма

«Божество без маски, голый король и власть денег в собственном дворце»

Есть народная поговорка о том, что если хочешь узнать правду, спроси об этом ребенка. В очередной раз, отдавая дань уважения всем детям и желая дойти до истинного источника информации, н должен вновь вернуться к своим детским воспоминаниям.

Услышав о том, что сын наших соседей Эмин начал читать книгу «Катехизис», я ощутил в себе рост интереса к исламу и мечети. Выучив наизусть несколько молитв, я смог занять свое место в рядах, выстраивавшихся в мечети сразу же за имамом Муслимом. Я не забыл услышанные позднее слова Муслима: «Если Абдулла будет идти с такой скоростью, то ему обеспечен излет». Значит, вступление мое было правильным. Помню еще, сидя под оливковым деревом, я спрашивал у Азиза, с которым позднее учился в начальной школе (позднее я услышал, что Азиз Стал слабым кадастровым инженером и работал в должности начальника отдела купчих), какими бывают школа и учитель, я спорил с ним на эту тему. Мне больше всего нравилось символическое сравнение с чудовищем (современным Левиафаном). Я и здесь не ошибся, потому что школа — это утверждение путем толковывания догматов образа Бога и национального государства. Много позже я узнал из философии Гегеля о том, что новый Бог сошел на землю в виде национального государства и начал свой поход в образе Наполеона. Я начал рассуждать о том, что это «сошествие» толковывается в память ребенка усилиями жреца-учителя еще в начальной школе, и тогда понял, что информация была мной правильно усвоена еще в раннем детстве. По мере того, как образ Бога в мечети имама Муслима стирался, имело место возвышение божественной идеи, насаждаемой учителем Мехметом из Чорумлу в стенах начальной школы. Помню еще впечатления, охватывавшие меня несколько раз в год: я сижу м беседке в полудреме, и тут на рассвете мне в глаза бьет свет фар грузовика, управляемого Хайдаром из соседнего села Аргыл Волшебство машины прочно вошло в мое создание в виде полу бога. Речь идет о машине нового бога. Опять же, много лет спустя, когда я постарался сравнить машину с самой сильной опорой или одним из образов нового индустриального Левиафана, я и очередной раз поверил в то, что правильную информацию я по черпнул из своих детских мечтаний.

Хочу здесь и сейчас определить, что никакая религия не обретала столь чудовищный образ, как индустриализм. Наше село располагалось в пятидесяти километрах от границы с Сирией. Когда прожекторы периодически освещали приграничные местности, их свет отражался в моих глазах как вспышка молнии, создавая ощущения государства и божества, слившихся в единое целое. Я всегда стараюсь вспоминать эту третью восточку *m* моего детства.

Турецкая Республика является одним из первых примером развития в полуколониальных странах модели современного капитализма, превращаемой далее в национальное государство. На стадии своего образования Турецкая Республика напоминала Французскую Республику, где также в тесном переплетении развивались два института — государства и демократии — точно так же, как в Исламской Республике Иран, первой исламской республике Медина, даже в бывшем СССР. Со временем, по мере становления капиталистической власти, демократические элементы купировались и превращались в национальные государства. Эти вопросы я постараюсь глубже раскрыть в соответствующих главах. Может быть, это первично. Первые примеры всегда требуют внимательного анализа. Свои воспоминания о республике я бы хотел изложить в отдельном труде в форме длинного романа-повести. Но сейчас одной фразой я хотел бы подчеркнуть тот факт, что в начале выпускного года моего обучения на факультете социальных наук (Гражданско-государственная школа), который считался наиболее сильным учебным заведением Республики, я уже был в состоянии оловянного солдатика, созданного новым Левиафаном, но неспособным произнести даже его имя. Более того, у меня были полностью парализованы аналитическое и чувственное мышление, и я был не в состоянии что — либо прочувствовать и осмыслить. Могу сказать, что это все я осознал позднее.

Спустя много лет, путем зубрежки, которая была принята в сектантской школе социализма, я смог преодолеть влияние старой религии, которое некогда испытывал в селе. Должен подчеркнуть, что все эти годы я был в страшном состоянии скепсиса (сомнений). Размышляя о чем-то, я как бы задыхался. И стал приходить в себя гораздо позже, когда понял, что современный Левиафан выходит на историческую арену то в облике Турецкой Республики, то в облике советского социализма. Осознав, что оказался лицом к лицу с божеством современной религии, оказавшимся страшнее богов всех существующих религий (своими бесчисленными символами и идолами, окружившими меня всего), понимая, что эта религия родилась и уже заняла господствующее положение, но она мне не подходит, я начал чувствовать и осознавать, что мой выбор свободной жизни может осуществиться по мере того, насколько мне удастся дистанцироваться от влияния этой религии и не позволить ей ввести меня в заблуждение. Впервые чувственное и аналитическое мышления, объединившись, способствовало «отрезвлению» моего разума. Этими строчками я стараюсь прокомментировать данный процесс.

Комментируя «научный социализм», то есть свою социологию, К. Маркс и Ф. Энгельс заявляют, что «создали синтез английской политэкономии, немецкой философии и французского социализма». Три вышеуказанные школы старались развить теоретический анализ современности, стремящейся установить господство над жизнью и деятельностью всей Европы. Если индийская политэкономическая школа старается доказать, что нее происходящее является ничем иным как победой новой экономики (или убеждает в качестве

новой религии), то немецкая философия считает своей основной задачей создание теоретической базы — утверждения, что ведущим актером (новой формой бога-царя) является национальное государство. Французский социализм от имени всего общества (единство цивилизации и демократии) теоретизирует утверждение о победе светски-позитивистского общества, отодвинувшего на задний план старое религиозное мировоззрение.

В основе революции мышления, происходившей в Европе, начиная с XVI века, лежало поразительно сокрушительное влияние капиталистической монополии. Приступая к характеристике этого переворота в мышлении, мы частенько будем останавливаться на нескольких аналогичных исторических примерах. Первый пример касается зарождения шумерского государства жрецов в лоне храма (зиккурата). Условия организации государственности на базе излишка продукта оцениваются вкуче с переворотом в мышлении. Какой надзорный механизм может контролировать излишек продукта? Как должны развиваться и выстраиваться основные средства его легализации (прививание доверия к новому обществу)? Было найдено средство в виде создания нового пантеона богов, ставшего первым примером организации государства и всех цивилизационных религий. Ответ оказался довольно радикальным: государство впервые было организовано в виде жреца-царя. Экономика, н первый раз воплотившаяся в форме государственного социализма, была организована в тесном переплетении с государством, и эта экономика была взята под полный контроль государства. Традиционные иерархические силы, натянув на себя новые маски, уже воплощались в виде новых богов неба, земли, воздуха, воды, города и пр. В эпосе, где впервые повествуется о порабощении человека, он сравнивается с экскрементами богов. Местом всех этих изобретений является зиккурат. На верхнем ярусе зиккурата, являющегося, в сущности, гигантским пристанищем, располагается пантеон богов (союз богов, представители высшего слоя иерархии), ярусом ниже — жрец-царь (первый правитель-гегемон, создавший систему), и на самом нижнем ярусе находят свое пристанище рабы и ремесленники, создающие прибавочную стоимость-продукт. Рассматривая это пристанище как первый прототип, своего рода эмбрион торопи, государства, классов, мы, тем самым, определяем формулу систематики всей цивилизации. Все вышеперечисленные институты, вплоть до последних европейских моделей, несут на юбе следы этого раннего примера. Именно поэтому считаю правильным называть Шумер величественным оригинальным образцом. Считаю, что ни одна версия или производная не смогли стать столь же притягательными и эффективными, как сам шумерский оригинал.

Ионическая греческая версия стала третьей. Второй же вершей стала цивилизация хурритов, происходивших из Верхней Месопотамии, и хеттов, поддерживавших с ними тесные связи. Отличие греков заключалось в том, что они вышли за рамки классических мифов и смогли создать философию. Основной Причиной создания греками философии природы и общества является то, что мифы не могли достаточно убедительно объяснить начавшийся и набиравший обороты процесс формирования государственности на базе городов. Если в низших слоях Населения еще оставалось влияние мифического мышления, то для тех, кто ежедневно сталкивался с конкретными проблемами управления, более убедительное сказание постепенно обретало характер острой потребности. Практика социальной жизнедеятельности в силу проблем, обусловленных урбанизацией, требовала философского стиля объяснения. Но пантеон богов Олимпа, во главе которого стоял Зевс,

все еще сохранял свое глубокое влияние. Если Сократ ценой своей жизни оплатил свои первые пессимистические воззрения, то его ученики смогли развить его схематически изложенное учение до состояния фундаментального источника философии. В частности, не будет ошибкой назвать Платона и Аристотеля отцами философии.

Евреев можно считать первым племенем, перешедшим из сферы шумерского и египетского мифического мышления на уровень религиозного мировоззрения единобожия. Это своего рода периферийная версия старого оригинала. Добавив к этому многие периферийные ветви (в первую очередь, зороастризм, древнегреческую философию), получаем иудаистскую, христианскую и исламскую производные.

Достижения новой материальной и духовной культуры, обеспечившие колоссальный культурный подъем в Европе XVI столетия. в основе своей базируются на этих оригиналах и версиях. Представить себе упомянутый культурный подъем без них можно только путем изобретения новых мифов и религий, неубедительность которых будет изначально ясна. Деятельность по формированию мышления под маркой таких понятий, как «позитивизм», «лаицизм», «либерализм» и даже «социализм», может нести в себе элементы новизны, но, тем не менее, сама она осуществляется под глубоким влиянием исторического источника. И осмысление, и суть этой деятельности в подавляющем большинстве развивались в лоне прежних версий. Невозможно пролить свет на эпохи европейского Возрождения, Реформации и Просвещения, основываясь только на греко-римской философии, науке, искусства и праве, игнорируя при этом наследие Египта и Шумера.

Не вызывает сомнения вклад Европы, что начало приносить свои плоды с XVI столетия. Пояснения, основанные на базе науки, философии и религии, воплотившиеся во многих именах, в первую очередь, таких как Ф. Бэкон. М.Монтень, Н. Макиавелли, Н. Коперник, определяют сущность новой версии. Цивилизация дала миру не только города, государства, классы, торговлю, деньги и рынки; она способствовала расцвету философии, религии, науки и искусства. Европа доказала, что ее древняя история способна изучить и синтезировать свою материальную и духовную культуру в собственной лаборатории, чего не смогли добиться индийская и китайская цивилизации. Ближневосточные цивилизации тоже не смогли продемонстрировать способность к последнему решающему шагу. Я неоднократно касался причин этого явления.

Говоря о том, что это третий крупный вклад Европы в историю цивилизации, было бы полезно вкратце напомнить эти исторические истины.

Энтони Гидденс характеризует вклад Европы как «отсутствие постоянства». Тем самым он старается определить оригинал. Несомненно, у европейской цивилизации есть свои оригинальные ценности. Но отсутствие постоянства, определенное Гидденсом (капитализм, национальное государство, индустриализм), в определенной степени достоверно. В последующих частях своего труда я постараюсь оценить социологию Гидденса, смысл которой сводится к стремлению спасти современный капитализм. Но эти фундаментальные темы, раскрытые им, требуют глубокого изучения, именно поэтому очень важно установить между ними связь.

Вернемся к трем важным источникам марксизма. С точки зрения объединения европейских источников мышления, установленные марксизмом три различия имеют смысл, но ему не удалось ощутить сходство между этими тремя столпами. Ибо если марксизм увидел бы это сходство, то он выявил бы себя. Идеология Просвещения соединила в себе английскую политическую экономию, немецкую философию и французский социализм, и ей нашлось место и для марксизма. Именно эту идеологию необходимо проанализировать в первую очередь. Она и по сей день очень влиятельна и занимает господствующее положение, но всем мире. Как бы ни считали социологию наукой, она не приносит с собой ничего нового, что вышло бы за рамки этой идеологии. Если не ошибаюсь, известный современный американский социолог Э.Валленштейн рассуждая о европейском мышлении, включая марксизм, сделал примерно следующее признание: «Я боюсь, рассуждая о свободе и социализме, мы навлечем на себя гнев богов, ибо мы испили из того же ядовитого источника». Мышление, о котором говорится, это идеология Просвещения. Сильный представитель франкфуртской философской школы Т.Адорно высказался так: «Неправильную жизнь правильно не проживешь».

Ницше и аналогичные последователи более откровенно критиковали идеологию Просвещения. Ницше говорил о том, что весь понятийный аппарат эпохи Просвещения вышел из недр религии. Карл Шмидт пролил свет на религиозные корни всех понятий и версий политической философии. Есть очень богатая литература и ряд выдающихся людей, что свидетельствует о том, насколько глубоко сомнение Европы в собственном стиле мышления.

Состояние цивилизации в Европе было весьма запутанным и вызывающим опасения, причем речь идет не только об ужасающих колониальных, империалистических, религиозных и национальных войнах, но и о том, каких невиданных в истории высот достигла цивилизация, взявшая в свои руки контроль над экономикой, создавшая власть и государственность. В этом смысле невозможно отрицать многие факты «непостоянства». Даже со многих точек зрения капитализм, индустриализм и национальное государство, несомненно, выражают значительное количество «непостоянств».

Но все эти пояснения, касающиеся, в первую очередь, идеологии Просвещения, не раскрывают сути «непостоянства» европейской цивилизации. Подобно тому, как приверженец любой религии, пусть и неосознанно, вынужден пропагандировать свою религию, так и главные идеологи оказывались в аналогичном положении, подчеркивая свою приверженность идеологии, усвоенной в качестве религии. Хочу напомнить, что исключения из правил не опровергают общих суждений, а подтверждают их. Ни в коем случае нельзя игнорировать религиозно-метафизический характер структуры европейского мышления, сформировавшегося в крайне запутанной обстановке материальной цивилизации, запустившего корни в глубины истории и прошедшего несколько версий. Как и любая религия, это мышление обязано защищать и увековечивать условия выраженной им материальной цивилизации. Стратегической обязанностью является распространение мышления по всему миру. От первых уроков жрецов до школ, академий и официальных университетов, от начальной школы до казарм, фабрики, заводы, крупные торговые центры, средства массовой информации, музеи, руины древних религий, больницы, тюрьмы, кладбища — все вокруг заковано в доспехи при помощи техники власти и военной мощи,

подобно тому, как происходила интеллектуальная экспансия общества в глобальном, локальном и, в частности, национальном масштабе. Все общество заперто в «железной клетке».

Все религии и типы мышления, несущие в себе их следы, по мере обретения официального характера превращаются в идеологию. Сами идеологии являются программными принципами, вставшими на защиту конкретных групп людей и их интересов. Европейское мышление или религия, получившие официальный статус во всем мире, уже превратились в идеологию. Европейская цивилизация вынуждена всеми силами защищать высшие слои общества, увековечивать их роль и позволить в ранг господствующей группы. Чтобы не быть неправильно понятым, в частности, подчеркну, что эта критика направлена не только в адрес европейцев, но и против меня Самого, моего региона, моего мира, против всего человечества с рабским мышлением. Очень уместным является вопрос: почему идеология Просвещения оказалась столь эффективной? Она удивительно космополитична, ориентирована на приверженцев всех предшествующих религий. Вместе с тем, эта идеология национальна. Немыслимым кажется ее национальный, социальный характер, не пытающийся натянуть на себя формы национального государства. Человек без национального государства был доведен до состояния особи, не имеющей религии. Идеология Просвещения была аналогична самой слабой религии — оказалось не так трудно воспринять ее как старые религии. Она постоянно подпитывается сциентизмом. Материальный стиль жизни возведен чуть ли не до ранга религиозного ритуала. Инструменты материальной культуры, в первую очередь медиа -органы, постоянно осуществляют свою пропаганду. Политическая и экономическая жизнедеятельность полностью находятся под их контролем. Эта идеология обрела вселенский характер.

Я понимаю, что, делая данные обобщения, я обрисовал некий тупиковый имидж мироустройства. Должен сразу же добавить, что любая цивилизация, представляющая себя именно в таком виде, будет напоминать последние периоды существования Римской империи, полностью потерявшей уверенность в себе. Какая бы ни была видимость величия и силы, большинство общества, обреченного ею на упадок, находится в состоянии конфликта с идеей экологической защиты окружающей среды. Продолжается процесс превращения цивилизации в империю, и столь же активно демократия становится конфедеративной.

2.1. Капитализм: не экономика, а власть

Размышления о том, что капитализм — это не экономика, должны иметь такие же результаты, как, по меньшей мере, «Капитал» Маркса. Должен сразу же пояснить, что эти мои рассуждения не имеют никакого отношения к попыткам редукционизма власти. Более того, я не стану критиковать капитализм с позиций, связывающих экономику с государством. Я говорю об образовании капитализма, капиталиста, капиталистической экономики, политической силы, клики, взявшей под свой контроль экономику. Эта сила впервые обрела влияние в Европе XVI столетия. Она стала господствующей политической силой в Голландии и Англии. Эксплуатация экономики совсем не означает саму экономику. Фернан Бродель, можно сказать, был первым достойным социологом-историком, первым осознавшим эту истину. Но ему не удалось систематизировать собственные мысли. Может быть, он и понял, что разрушил кредо мышления всей Европы, но не особо озвучил это. Вероятно, он не смог развить свои размышления в этом направлении. Он открыто говорит о том, что капитализм является противником рынка, монопольным грабителем и вообще насажден извне. В таком случае может возникнуть вопрос: что же это такое — насажденное извне, являющееся противником рынка и не являющееся экономикой? Ответ на этот вопрос очень недостаточен. Является ли это политической силой, религией, школой мышления?

Изучение и исследование практического развития в сфере взаимоотношений, где произошел раскол теоретического мышления, может дать очень полезные результаты. Начнем свое исследование с Венеции, где в XIII веке существовала большая группа торговцев. Но эта группа одновременно управляла городской администрацией. Упомянутая группа купцов воевала со своими конкурентами, имела морские армады, иными словами, у Венеции была своя армия. Более того, речь идет о протекции Ренессансу. Ими же осуществлялся серьезный контроль над экономикой и обществом. Можно с уверенностью говорить о тесном переплетении всех этих отношений и о том, что цементирующую роль в этом сыграли деньги. В таком случае какое определение может соответствовать этому комплексу взаимоотношений? Вот о чем можно сказать: крупные торговцы. Входящие в состав упомянутой группы контролировали: экономику и присваивали значительную часть прибавочной стоимости. Для этого они прибрали к рукам или всю политическую власть, или инструмент контроля. При необходимости применения силы они могли использовать мощь армии.

Если обратить внимание, можно увидеть, что примерно та же группа совершает комплексное движение. Даже если меняются конкретные люди из числа ее участников, все же продолжает свою жизнедеятельность группа купцов, занимающая определенное положение в масштабах Венеции. Вернемся к ее характеристике. Монополия купцов, ее государство, армия, бюрократия. Это своего рода протектор главенствующей церкви и

сообщества искусств. Если эту группу, не имеющую экономического характера, вышедшую за рамки государства, позиционирующую себя против экономики как монополия извне, навязывающую обществу свою гегемонию, причем намного превышающую государственную, назвать концентрацией власти и конкретно властью, то в этом будет значительная доля истины. Если бы упомянутая нами группа имела эффект в масштабе всей Италии, то мы назвали бы ее национальной властью. Если бы она распространила свое влияние во всех ячейках общества, то мы назвали бы ее моделью национального государства. Если бы она установила контроль над экономикой всей страны, мы назвали бы ее экономической властью. Если бы группа распространила свою мощь во всей Европе, а оттуда на весь мир. то группу венецианских купцов можно было бы назвать европейской и всемирной империей.

Рассмотрим в рамках этих версий географические аспекты Голландии и Англии XVI века. Определяющим фактором было постоянное притеснение этих стран со стороны французской и испанской монархий. Эти монархии, объявив себя империями, стремились превратить Англию и Голландию в свои провинции. Дело в том, что короли и принцы этих двух стран хотели со хранить и развить свою политическую независимость, в связи с чем у них возникла потребность в грозной силе — в противном случае в мгновение ока их могли проглотить противники. Мощь, в которой они испытывали потребность, имела политический, военный, финансовый и интеллектуальный характер. Они приглашали мыслителей и деятелей искусства. Там творили Декарт, Спиноза, Эразм Роттердамский. В эти страны устремляется поток еврейских ростовщиков, владевших большими деньгами. Там закидываются основы новой армии. Профессионально обученной, дисциплинированной и оснащенной новой техникой армии. С целью достижения социальной солидарности и поддержки англичане и голландцы придают серьезное значение свободе. Они сумели преодолеть внутривластные противоречия. Но важнее всего то, что им удалось достичь экономического успеха, заметного в масштабе всей Европы. Рассмотрев все эти факторы в совокупности, увидим, что Голландия и Англия достаточно серьезно защищались от своих конкурентов. Более того, к концу столетия им даже удалось превратиться в гегемонов. Те, кто более или менее обладает знаниями, согласятся с тем, что именно такой была основная линия развития событий на практике.

В таком случае зададим наши вопросы вновь. Как назвать сеть взаимоотношений, тесно переплетенных между собой? Какой системой назовем это? Сумел ли добиться этого развития новый экономический созидательный класс? Речь идет об экономике, доведенной до эффективного уровня. Кто ее создал? Тысячи ремесленников, крестьян, рабочих, мелких торговцев, лавочников, деньги и векселя, ускоряющие развитие рынка и оборот. Очень важно то, что эта экономическая плодотворность увеличивает прибавочную стоимость. Кому же достается львиная доля? Во всяком случае, это те, кто контролирует экономику при помощи денег и военно-политической силы, ибо без денег не может быть торговли. Без последней не может быть прибыли. Без армии и политической силы есть опасность превратиться в мишень агрессии, но и тогда резко падает прибыль. Стало быть, по определению, не это они осуществляют чтобы не только сохранить влияние денег и их производных, но и установить полный контроль над экономикой и захватить все возрастающую прибавочную стоимость. Делают это, предположительно, прослойки, находящиеся в тесных взаимоотношениях с военно-политической мощью государства. С большой долей вероятности можно говорить и о том, что принц и король, стоящие во главе

армии, испытывают острую потребность в деньгах, следовательно, они или принадлежит к одной группе с теми, кто собирает прибавочную стоимость, ИЛИ находятся с ними в тесных взаимоотношениях. Между тем, они сохраняют между собой хорошие отношения при помощи и искусства, и интеллектуальных связей. Слава как королей и принцев, придающих большое значение свободе в Европе, вполне их устраивает. Они не преминут поддержать оппозиционное снижение в стане своих противников. Спрошу еще раз: как можно Назвать это комплексное движение? Если назовем его экономическим, увидим, что в этом движении нет ни одного человека, который занимался бы настоящей экономикой — есть только те, кто присваивает прибавочную стоимость. Кто же они? Это те, кто извне навязывает себя экономике. Это те, кто, ускоряя оборот денег-стоимости, наращивает свой капитал, дает деньги в долг государству. Взамен они получают долю участия в государстве.

Мы видим, что те, кого мы называем капитализмом, капиталистами и капиталистической экономикой, косвенным образом контролируют экономику, но в действительности не принимают и ней никакого участия. Чем же они занимаются на самом деле? Их интерес сводится к монополии власти. Они объединяют экономические монополии с монополией власти. Они ведут войны, и по мере успехов во внутренних войнах возрастает их сила внутри страны. Прежде всего именно это и называется прибавочной стоимостью. Их успехи во внешних войнах означают колониальные победы и гегемонию. Сам по себе процесс называется монопольным грабежом.

Рассматривая примеры Англии и Голландии в контексте времени и места, видим, что результаты обретают более конкретный характер. Свой союз они использовали, прежде всего, в целях установления гегемонии в Европе. В конце XVI столетия хребет испанской империи был сломлен, и имперской практике в масштабе всей Европы был нанесен смертельный удар. В конце XVII века потерпела крах и французская монархия, и это стало еще одним тяжелым ударом по монархическому строю Европы. Поддержка, оказанная Пруссии в противовес Австрии, способствовала смертельному удару по европейской монархии в лице династии Габсбургов. Последняя Тридцатилетняя война положила конец эпохе религиозных войн. Вестфальский договор 1649 года заложил основы баланса национальных государств. Ответ, данный Францией на этот процесс в виде революции 1789 года, увенчался утерей стратегической гегемонии Наполеона. В этот же период были достигнуты успехи в колониальных войнах, и к XIX столетию началась промышленная революция, фактически утвердившая гегемонию англичан, открыв им путь к мировой империи. Поздно проснувшийся немецкий монстр в лице Пруссии одержал в 1870 году победу в войне с Францией, после чего, стремясь добиться гегемонии в масштабе Европы и всего мира, потерпел серьезные поражения в двух мировых войнах. США как вторая Англия вышли победителем в двух мировых войнах и после Второй мировой войны по настоящее время сохраняют свою мощь мирового гегемона. Советская империя, стремившаяся повторить роль Германии, проиграла в борьбе за мировую гегемонию. В настоящее время в мире есть только США, играющие в мировую империю, но и они вынуждены продлевать себе жизнь оборонительной борьбой, дабы предотвратить свой распад.

Таково основное направление развития института власти. Поток власти, начавшийся в Уруке, присоединив по мере своего течения тысячи притоков, теперь уже теряется на берегу океана близ американского Нью-Йорка. Есть мнение о том, что еще одним берегом,

куда может устремиться поток мировой власти, является океаническое побережье Китая, и в настоящее время строятся определенные версии по этому поводу. На мой взгляд, версия устремления потока власти том направлении кажется слабой, скорее, наоборот, гораздо выше вероятность полного разложения цивилизованного общества. Социальные и экологические проблемы, достигшие чудовищных мировых масштабов, привели к тому, что одной из первостепенных стала вероятность усиления демократических сообществ, которые должны выйти на историческую арену и построить свою цивилизацию. Высока вероятность того, что вместо имперского культа, оставшегося от старых государственных систем, глобальные мировые проблемы отныне будут решаться на базе демократических конфедеративных союзов.

Все эти версии строятся для того, чтобы указать точное место капитализма. Речь идет о заре капитализма. Главный поток этой цивилизации продолжил свое движение, сделав глубокий вираж на берегах Англии и Голландии, причем этот поток обогащается новыми красками, набирает новые обороты. Можно открыто говорить о том, что фактор непостоянства, зародившийся вместе с этим поворотом, придавал новую скорость и новый колорит последующему течению цивилизации. Двумя мощными потоками являются новая версия традиционного государства в виде новой модели национального государства и великий промышленный переворот, ставший самым значительным после неолитической революции. Именно эти два фактора ускоряют традиционную цивилизацию и придают ей новые колориты.

Вновь наступает время задать вопрос, который я постоянно задаю: где же здесь капитализм? Где место капитализма в структуре национального государства и промышленности? Я задаю эти вопросы с точки зрения исследования экономической сути. Несмотря на мои усиленные поиски ответа на эти вопросы, я вновь и вновь вынужден повторять их, поскольку не вижу места и роли капитализма в структуре экономики.

Может быть, кому-то покажется странным, но, на мой взгляд, истинным владельцем экономики является женщина, несмотря на все усилия, направленные на подавление и эксплуатацию ее личности. Если мы хотим дать экономике осмысленную социологическую оценку, то наиболее верным подходом, надеюсь, будет признание женщины фундаментальной силой, поскольку именно она вынашивает ребенка в своей утробе, терпит родовые муки, затем в тяжелейших условиях воспитывает рожденного ею ребенка до того момента, когда он становится самостоятельным. Более того, именно женщина владеет умением хранить домашний очаг и быт. Мой ответ является тем самым социологическим ответом, который питает большее уважение к истине, причем здесь не игнорируется связь с биологией. Женщина, сыгравшая ключевую роль в земледельческой революции, занимавшаяся собирательством на протяжении миллионов лет, и сегодня не только играет роль в ведении домашнего хозяйства, но и вращает колесо успеха во многих сферах экономической жизни. Эта истина была подтверждена тысячелетия назад, когда античные греки, утвердившие свое достоинство в том, что заложили фундамент наук, создали термин «экономика», что означает свод бытовых законов, иными словами, женских законов.

На втором месте, несомненно, находятся рабы, крепостные и батраки, постоянно работавшие под контролем, осуществлявшимися жесточайшими и бесчеловечными методами,

во имя одной лишь цели — создания прибавочной стоимости, которую силы цивилизации считали высшим искусством, а потом отбирали из рук непосредственных производителей этой прибавочной стоимости. На третьем месте находятся несколько более свободные ремесленники, мелкие торговцы, лавочники и крестьяне, имевшие небольшие земельные участки. Картина будет полностью завершена, если прибавить к ним еще людей, занимающихся искусством, архитекторов, инженеров, врачей и других представителей свободных профессиональных групп. Не вызывает никаких сомнений то, что именно эти социальные группы и классы на протяжении всей жизни неустанно вращают колесо экономики. Как видим, среди них нет капиталиста, сеньора, хозяина и господина, поскольку очевидно, что эти люди являются движущей силой экономики, а не теми агрессорами, эксплуататорами, которые в виде монополистов навязывают извне эксплуатацию, агрессию, колониальное господство и ассимиляцию, поработав тем самым труд человека. Не только капиталисты навязывают свою власть извне, не являясь при этом экономической силой. Помимо капиталистов, эту политику осуществляют такие неэкономические силы, как крупные торговцы, промышленники и банкиры, сеньоры, хозяева, политики, армейские чины и интеллектуалы цивилизации.

Данные о том, что капитализм не является экономикой

Производят сильное впечатление имеющиеся данные о том, что капитализм не просто не является экономикой, а напротив, представляет собой ужасающий ее антипод.

1. Экономические кризисы. Группа «позитивистски-научно» настроенных «жрецов» в своем стремлении доказать, что капитализм является экономической системой, неправильно воспринимают и отражают проблему кризисов. Экономические кризисы имеют одно-единственное объяснение, кроющееся в сущности, и структуре кровного врага экономики, его антипода. Порой развивают такое определение как кризис перепроизводства. Как же так, с одной стороны большая часть населения мира умирает с голоду, с другой стороны — говорят о кризисе перепроизводства?! Тот факт, что капитализм является антиподом экономики, больше всего подтверждается именно в периоды таких умышленно созданных кризисов. Причина очевидна: прибыль монополии. Когда необходимая доля, выделенная производительным силам, оказывается ничтожно малой, возникают так называемые кризисы. Точнее, их попросту провоцируют. Какой же лже-жрец, точнее, так называемый экономист, может помочь? Это Кейнс! Что же он говорит? Пусть государство увеличит расходы. Как? Путем повышения покупательной способности трудящихся! Как же выявляется игра во всей ее брезгливой омерзительной сущности?! Одной рукой надо опустошать карманы трудящихся, другой рукой наполнять их деньгами?! Это — политика уговоров, применяемая ко всем трудящимся и всему обществу, стоящему за рамками цивилизации, в стремлении согласиться со своим плачевным состоянием голода. Ясно, что мы имеем дело с политическими отношениями. Для того, чтобы потопить в крови действия демократических сил против цивилизации, прежде надо замучить их голодом. Потом они должны вволю наесться, но так, чтобы они мольбами выпрашивали эту еду. Это ведь не что

иное как самая древняя тактика войны. Если хочешь капитуляции какого-нибудь народа, или города, прежде возьми их в кольцо блокады, обреки их на голод, затем уже предложи им обильную еду в обмен на капитуляцию?!

Я могу при помощи сотен примеров доказать, что именно такова настоящая суть лживой теории кризисов, выдвигаемой капитализмом. Достаточно обратиться к известной депрессии 30-х годов прошлого века, и станет ясна вся логика этих утверждений. Что же происходило в этот период? Советский Союз, не принявший гегемонии англичан, превращался в прочный и стабильный режим. Более того, он угрожал миру, названному капиталистическим. В самой Европе Германия, вынужденная под натиском тяжелейших условий подписать договор капитуляции, тем не менее, собрав вокруг единой оси всех левых и правых, определенно испытывала мятежное состояние. В Китае под предводительством Мао вспыхнуло мощное крестьянское восстание. Колониальные и полуколониальные страны и регионы, в первую очередь, Анатолия, разворачивают по всему миру повстанческую деятельность против английской гегемонии. И ответом мирового гегемона — англичан — на все эти действия и процессы становится умышленно спровоцированный кризис 1929—30 гг. Результат таков: с одной стороны, огромное скопление товаров, с другой — умирающие с голоду народы, трудящиеся. Свет на все происходящее проливает англичанин Д. Кейнс, предлагающий свое «лекарство» в борьбе с кризисом. Он предлагает дать трудящимся и все народам мира шанс продержаться, восстать из пепла и руин — так называемая социально-государственная политика. Но каковы были последствия этой капиталистической «социально-государственной политики»? Это было отступление, заблуждение и ассимиляция демократического общества, демократической цивилизации, зародившейся с победой Октябрьской социалистической революции, перед возрастающей силой в лице нового гегемона. В итоге в начале 90-х годов прошлого века официально было объявлено о распаде советской системы, что стало следствием политики, разъедающей систему изнутри. (Во второй четверти XX века, имело место антидемократическая, иными словами, диктаторская политика Сталина. Отчего это произошло? Он стремился нейтрализовать влияние кризиса 1929—30 гг. Кто же в результате был нейтрализован? Сталин и его команда, т. е. советская экономика). Происходило выхолащивание социальной сути государств, находившихся на стадии национально-освободительной борьбы, и их интегрирование в систему капиталистического гегемона. Очевидно, что основная цель всех кризисов заключается именно в том. Мы видим стремление продолжить существование системы гегемона путем осуществления умышленной государственной политики, направленной на достижение им своей цели, как минимум, преодоление критического этапа.

2. В той же категории можно оценить и кризисы, основанные на дефиците. Умышленный отказ от производства товаров или болезни и бедствия заставляют людей ждать манны небесной. Но дело в том, что на существующей стадии развития техники и оснащенности и речи не должно быть о голоде или массовых тидемиях. Цель заключается в том, чтобы обращаться к таким Искусственным кризисам в те моменты, когда актуальной становится проблема существования действующей системы-гегемона, и использовать в таких случаях болезни и бедствия в качестве козырей. В очередной раз можно конкретно увидеть и оценить связь механизма, называемого «капиталистической экономикой и обществом», с официальной силой-гегемоном. Метод тот же: обреки на голод и используй бедственное

состояние, и тогда станешь и ангелом-хранителем и божеством в одном лице! Тогда твои рабы будут неустанно восхвалять тебя!

3. Необходимо хорошо осознать тот факт, что капитализм является антиподом не только экономики, но и всего общества. Еще Роза Люксембург пыталась доказать, что теоретически невозможна капитализация всего общества, поскольку это попросту невозможно. На мой взгляд, нет никакой необходимости в тонких теориях. Если все общества разделятся на две части по принципу «рабочие и капиталисты», то невозможно будет производить товар на продажу. Грубый пример: представим себе фабрику, или завод, где работают сто рабочих. Предположим, они могут произвести сто автомобилей. Общество же пусть состоит из 1 + 100 человек, где наряду со ста рабочими имеется один капиталист (Поскольку общество состоит только из рабочих и капиталистов. Вот тот случай, который называют чисто капиталистическим обществом. Естественно, в этом кроется серьезная ошибка определенной части марксистов). Попробуем сбыть сто автомобилей, чтобы получить прибыль. Сто рабочих приобрели автомобили на свою зарплату. Что же осталось владельцу предприятия? Ноль. Стало быть, чтобы могло существовать цивилизованное общество, должно существовать то общество, которое я в своем анализе системы назвал «демократичным обществом, противостоящим цивилизации», которое никогда не подвергается капитализации. «Капиталистическая цивилизация», как новая сила-гегемон, как и прочие силы, может существовать только на базе противостояния и вражды с демократическим обществом, вплоть до самого яростного неприятия в периоды практических акций; эта сила-гегемон может сосуществовать с демократическим обществом или в форме войны, или мирным путем. Как и истории всей цивилизации, так и в истории капиталистическом цивилизации известно бесчисленное количество фактов и войн, доказывающих это утверждение.

4. Безработица. Капитализм, как система, должен постоянно держать в готовности армию безработных, чтобы обеспечить превосходство своей прибыли над прибавочной стоимостью. Даже если такой армии безработных нет, капитализм обязан создать ее. Безработица — это умышленно создаваемое явление. Действительно, если самые примитивные представители флоры и фауны обнаруживают свою пригодность к выполнению каких-то функций, как может человек быть оставлен без работы, непригодным ни к чему? Например, можно ли представить себе безработного муравья? Но ведь если даже муравей не может оставаться без каких-либо дел, как можно человека на его стадии развития оставить не у дел? Вселенная не предполагает такого понятия, как безработица. Это явление создается искусственно и поддерживается как извращенный плод аналитического мышления, как наиболее дикая акция в жизнедеятельности общества. Ни одно явление не может так конкретно, как безработица, выявить безжалостную враждебность капитализма по отношению к экономической жизни. Даже во времена египетских фараонов, который мы так жестко критиковали, нет места такому явлению, как «безработный раб». Как невозможно представить себе безработного фараона, так и невозможно представить себе безработного раба. У каждого раба всегда была своя цена и своя работа. Только при капитализме существует такое понятие, как безработица, то есть безжалостная враждебность капитализма по отношению к экономике.

5. Капитализм является врагом экономической техники. Существующий уровень развития науки и техники таков, что может позволить любому обществу, как бы его ни называли, «обществом благоденствия» или «райским обществом», продолжать свою жизнедеятельность в форме демократичного общества в рамках любой системы, более того, может решить любые экономические проблемы общества. Оптимальному (наиболее эффективному) применению науки и техники в направлении потребностей человека препятствует «закон прибыли» капиталистической системы. Если бы не пресловутый закон прибыли, научно-технический прогресс, благодаря своим современным возможностям, мог бы предоставить решение любых проблем экономики, построенной на принципе удовлетворения потребностей человека в питании. Данные возможности науки и техники никогда в полном объеме не использовались. Вместо этого наблюдается постоянное стремление к продлению жизнеспособности капиталистической цивилизации посредством постоянного провоцирования кризисов, безработицы, социальных катаклизмов. Иными словами, капитализм является врагом не только экономики, но и научно-технического потенциала, способствующего развитию экономики на оптимальном уровне.

6. Капитализм — враг этики и моральных ценностей, являющихся фундаментальными принципами экономики. Экономические потребности человека выстраиваются только на основе этических принципов. В противном случае человечество может размножаться подобно муравьям, и тогда не хватит и десяти таких планет Земля. Без этики человечество может превратиться в «прайд львов», и тогда вокруг не останется ни одной живой твари. В таком случае и самому льву не останется места на земле. Иными словами, если не ограничить и не остановить капитализм, то он, превратит общество в «муравьиный социум», подтолкнет его к краю пропасти (например, сегодняшнее состояние Китая и Японии), или доведет общество до состояния «львиного прайда» (например положение США). Ясно, что если все общества станут такими, как Китай, Япония и США, то шансы человечества на выживание постепенно будут уменьшаться. В данном случае капитализм принес этический принцип в жертву так называемой капиталистической экономике. Когда-то приносили в жертву детей, особенно девочек, мотивируя это тем, что детей в семье много, не убудет. Следуя этой этике, выживание общества возможно только в том случае, если человек будет в таком же стиле принесен в жертву. Наконец если рассмотреть все войны с капиталистическим ярлыком сквозь призму «литургии по поводу принесения человека в жертву», то поймем, какому «принципу капиталистической экономики» или безнравственности нам надо противостоять. Эта безнравственность разрушает не только внутренние ткани на теле обществе. Она впервые подчиняет себе окружающий мир, природу и, про должая глобальное уничтожение всех и вся, угрожает тем самым не только жизни человека, но и всему живому. Разве может быть. большая безнравственность и враждебность ко всему живому?!

7. Капитализм — это враг женщины, являющейся созидающей и движущей силой экономики. Наш анализ подтверждает, что место и роль женщины в общественной жизни и экономике имеют первостепенное значение и находятся на высоком уровне, как это было на протяжении всей истории цивилизации. Наиболее жестокие и безжалостные этапы истории женщины пришлись на стадию капиталистической цивилизации, когда происходило уничтожение созданного ее собственным трудом хозяйства. На протяжении всей истории цивилизации женщина превращалась и наиболее глубоко ужасающее социальное

противоречие. В подавляющем большинстве женщины — безработные. Но, несмотря на то, что ведение домашнего хозяйства — это самое что ни на есть тяжелое занятие, оно не имеет никакой ценности для общества. Рождение и воспитание детей являются самым трудным в жизни мелом, но это не только не оценивается обществом, но и постепенно становится для женщины сущим наказанием. Женщина рассматривается господствующим обществом как дешевый безработный агрегат для рождения и воспитания детей. Мало того, что она не требует за это никакой платы, да еще и она виновата! На протяжении всей цивилизации женщине всегда указывали на место в самых низших слоях общества. Однако ни одно общество не смогло так развить и систематизировать эксплуатацию, как это сделал капитализм. В данном случае женщина не просто оказывается на низшей ступени общества, но и превращается в объект неравенства, закрепощенности, недемократичности и таким именно образом используется представителями всех слоев общества. Еще более ужасающим является то, что общество, основанное на принципе полового насилия, с ни с чем не сравнимой жестокостью и силой распространяет свою власть везде, вплоть до самых интимных органов женщины, и превращает ее в часть секс-индустрии. Распространяя практику пыток и истязаний во всех сферах своей жизни и деятельности, общество с преобладающим влиянием мужчин в эпоху капиталистической; цивилизации возвысило мужчину до невиданных высот, откуда он стал мстить созидательному субъекту экономики в образе женщины, что и подтверждает его враждебное отношение к женщине и экономике, проявляемое, всегда и везде.

8. Капитализм, превратив экономику в игру денег и акций, которую называют «биржа, курс и процент» и которую он на глобальной стадии возвел до апогея, теперь уже фактически во всеуслышание, чуть ли не в виде пощечины обществу, заявил и подчеркнул, что является врагом экономики и не имеет ничего общего с настоящей экономикой. Ни на одной из стадий исторического развития экономика не была столь цинично превращена в некую виртуальную систему, игру денег и акций. Экономика всегда считалась самой чувствительной частью всех обществ и ей всегда придавалось значение на уровне святости (кстати само понятие «святость» зародилось в шумерском обществе и ассоциировалось с нишей). Добывание пищи всегда считалось первостепенной задачей, и люди всегда старались решить эту задачу. Во всех религиях есть какое-либо объяснение, основанное на экономической уверенности. Праздники появились в память о периодах экономического обилия или, как минимум, о периодах выхода общества из тяжелого кризиса. Подчеркну один аспект, где К. Маркс был несомненно прав: экономика, олицетворяющая собой все особенности, способные влиять на все сферы жизнедеятельности общества, и потому, безусловно, важная для самого общества, лишена своей роли сферы концентрации чувственного и аналитического мышления, привязана к игре денег и ценных бумаг, превращена в наиболее безответственную, оторванную от жизни сферу аналитически-спекулятивного мышления. В такой ипостаси предстает перед нами суть экономики. Без каких бы то ни было трудов, попросту в результате игры с курсами, процентами и ценами векселей, в современном мире в течение считанных часов миллиарды долларов (мировой валюты) переходят из одних рук в другие. Тяжело представить себе какую-либо другую систему, где на фоне голодающей половины человечества имени место столь противные истинной экономике явления, как перекачивание и бессмысленные трансферты денежных средств. В своей последней стадии, называемой также «финансовым капитализмом», система очень четко продемонстрировала то, насколько она бессмысленна и насколько

далеко отстоит от экономики.

9. Взяв под свой контроль две основные сферы экономики, коими являются производство и потребление, придавая преимущественное значение политическим коллизиям, преследующим цель максимизации собственной прибыли и не имеющим ничего общего с такими существенными потребностями человека, как пища, одежда, жилье и транспорт, капитализм, как мы ранее уже говорили, умудряясь провоцировать кризисы производства и потребления, в корне нарушает всю структуру экономики. Вооружение, в первую очередь, эскалация ядерного оружия, достигшее ужасающих масштабов, инвестиции в углеводородные носители энергии, толкающие окружающую среду к гибели, но приносящие огромные доходы, генно-модифицированная сельхозпродукция, космическая технология, огромные инвестиции в сухопутные, Морские и воздушные пути сообщения, которые столь же вредоносны для экологии, сколь дороги в обслуживании, бесчисленные вложения и создание сотен версий одной и той же одежды в угоду модным всплескам, все эти, не имеющие никаких связей с реальными структурами производства и потребления примеры являются лишь частью тревожной палитры. С одной стороны, горы товаров, обреченных на уничтожение только лишь потому, что потеряли свои качества и актуальность в силу того, что не удалось их сбыть, с другой стороны, болезни и голод из-за отсутствия элементарных потребительских возможностей. Армии безработных! Экономическая формация, называемая капитализмом, оказалась неспособна нанести такой вред человечеству, который не мог нанести ни один враг за всю историю человечества, и вражда, испытываемая капитализмом по отношению к обществу, реализуется им путем самого циничного давления на кровеносные сосуды экономики, подавление, отрыв от общества, путем внедрения искусственных жил, по которым течет прибыль капиталистов.

Все эти девять глав, которые мы отвели капитализму как стадии цивилизации, несомненно, требуют многотомного аргументированного анализа. Но в силу того, что в рамках Защитной речи, которую я стараюсь написать, все должно быть освещено на уровне тезисов, я предпочел ограничиться такими краткими пояснениями. Две последующие главы и финальная часть будут продолжены в других направлениях.

2.2. Где и когда происходило развитие капитализма в реалиях общества и цивилизации?

Как, в таком случае, определить место и время развития данной системы, не только не являющейся экономикой, но очевидно противостоящей экономике, в категориях места и времени общественных и цивилизационных реалий?

Осмысленного результата в рассуждениях о капитализме можно достичь только в том случае, если рассматривать развитие сил и систем цивилизации на протяжении всей ее истории, с одной стороны, в ракурсе всех действий и столкновений, имевших место в их взаимоотношениях, и с другой стороны, в ракурсе всех акций и войн, проводившихся против сил, противостоящих цивилизации.

Я понимаю, что делаю чрезмерный акцент на этом вопросе и много повторяюсь. Высказывая свои сожаления, я должен еще раз в наиболее общ их чертах и комплексе всех вопросов окинуть взглядом эту очень интересную тему.

1. Первобытно-общинный строй

(От первобытного человека до конца четвертого ледникового периода, около 20 тыс. лет назад): на основной стадии первобытно-общинного строя была заложена база экономической культуры. Пища, добываемая при помощи собирательства и охоты тут же употреблялась, люди использовали шкуры животных. Организующей властью племени и рода, как правило, являлась женщина-мать. Это была своего рода первая матриархальная гегемония. Взаимоотношения и противоречия, складывавшиеся вокруг личности матроны племени, сводились к защите от условий окружающей среды, в особенности, от тех, что представляли собой риск, и использованию факторов, связанных с удобствами и пищей. Родовая идентичность в этих условиях становится жизненно важной и незаменимой. Еще не сформировалась концепция взаимоотношений мужчины и женщины. В племени царит культ матери, рожаящей детей, но не было культа мужчины, стремящегося к половому партнерству, совокуплению. Человеческое общество прожило 98,5% своей истории именно в такой форме, оказавшейся наиболее долговечной. Поскольку слабо обработанный камень стал одним из первых орудий труда, данную эпоху называют также «каменным веком».

Иногда этот период истории называют также периодом «первобытной дикости». В социологическом смысле уместно было бы назвать его первобытно-общинным строем. Использовался язык знаков. Люди жили в хижинах, выстроенных высоко и в пещерах по берегам рек и озер. Предполагается, что эта система примерно два миллиона лет существовала в Африке, около миллиона лет — в Азии и Европе. Еще не были развиты такие понятия, как «родина», «граница», «собственность». Принадлежность ограничивалась только рамками рода и племени. Символизация принадлежности воплощалась в каком-либо объекте, тотеме, который становился его представителем. Внутри племени имела градация стадий, существовали определенные признаки развития. Как бы то ни было, именно в таком виде человечество подошло к концу четвертого ледникового периода.

2. Неолитическая эпоха (примерно 15000 - 4000 лет до н. э.)

По окончании четвертого ледникового периода, примерно 17 тысяч лет назад, после короткого мезолита (середина каменного века), у подножия Тавро-Загросской горной системы началась исторически очень важная эпоха, получившая название неолита (нового каменного века), поскольку в эту эпоху человек научился шлифовать камень и использовал обсидиан. Но на самом деле, по сути своей неолит был эпохой земледельческой революции. Это общество, существование которого примерно 10 тысячелетий назад доказано сегодня археологическими данными, осуществило значительный скачок в своем развитии, поскольку для упомянутой горной системы характерны благоприятный климат, богатая растительность и животный мир. Увеличиваются возможности добывания пищи. Человек учится ткать. Из пещеры переходит к сельскому поселению. Происходит формирование растительных культур и одомашнивание животных. Начиная с 6000 до н. э., человек изобретает и осваивает гончарный круг. И частности, в серповидном регионе, растянувшимся от подножий Восточного Средиземноморья до Загроса, осуществляется переход к тесно переплетенным между собой элементам культуры (тель-каалафской культуры).

Основным центром становится Верхняя Месопотамия. В обществе наблюдается заметный прогресс в плане новых изобретений и создания орудий производства. Начался своего рода неолитический индустриальный период. Эта культура возносит женщину — мать на уровень матери-богини. С большой долей вероятности можно говорить о ее определяющей роли в формировании нового общества. Матриархальная система оставила глубокий отпечаток на родоплеменной системе. Только начинают раскрываться противоречия между женщиной и мужчиной. Осуществлен переход к языку символов. Теперь уже не так легко, как раньше, идет с юга по основной линии в Азию и Европу миграционный поток темнокожих племен, получивших название семитов. Этот фактор играет, казалось бы, серьезную роль в формировании семитической культуры. Желтолицым и краснокожим племенам с севера также нелегко войти в регион и закрепиться в нем. Одна ветвь этой миграции перешла в Америку (через Берингов пролив, примерно 12000—7000 гг. до н. э.), другая ветвь сконцентрировалась в Китае, Средней Азии и Восточной Европе. Белокожая индоевропейская группа, оказавшаяся между этими потоками, в силу благоприятных климатических условий и обилия пищи получает главенствующую роль гегемона в регионе

Роль гегемона играла, в частности, группа, сформировавшаяся в регионе Плодородного Полумесяца. На протяжении длительного периода, вплоть до начала цивилизации, индоевропейская этническая группа сохраняла этот статус.

Культура Плодородного Полумесяца, зародившаяся впервые в истории и утвердившая свою состоятельность, примерно в 6000 гг. до н. э. была перенесена в Нижнюю Месопотамию, в 5000 гг. до н. э. — в долину Нила в Египте, на Балканы, в Иран и Северное Средиземноморье, в 4000 гг. до н. э. — в Европу и Китай. Как бы ни говорили о китайском неолите с его внутренней динамикой, ни мой взгляд, китайский неолит преимущественно основывался на привнесённой культуре. Этот тезис усиливают такие доводы, как импорт культуры выращивания буйволов и обработки обсидиана. Естественно, на протяжении длительного времени каждый основной регион имел шанс развивать свой собственный неолит, но все известные признаки указывают на то, что первый культурный росток произрос именно в Плодородном Полумесяце. Не может быть речи о колониальном или агрессивном характере распространения этой культуры. Широта и простор пустых территорий не позволяли бы сформироваться такого рода отношениям. Общепринятым историческим мнением и социологическим фактом считается то, что первое глобальное движение, оставившее вечный след в мировой истории и не утерявшее своего влияния по сей день, развивалось именно на данной почве.

3. Эпоха шумерской цивилизации (4000—2000 гг. до н. э.)

В середине VI тысячелетия до н. э. в Нижней Месопотамии формируется новый исторический виток, прозванный культурой "Эль-Убейд", и продлившийся предположительно до 3800 гг. до н. э. Этот период и его культура имеют большое историческое значение с точки зрения своего базирования на фундаменте достижений Плодородного Полумесяца (в частности, культуры Тель-Халафа), а также перехода к патриархату, или развития техники изготовления гончарных изделий, упрочнения позиций торговли, начала эпохи первых завоевательных походов и эпохи колонизации. Эту культуру можно назвать также протоурукской. В частности, данное предположение актуально с точки зрения формирования патриархального общества, наступления кануна цивилизации. Культ матери-богини теряет свое значение. Женщину буквально вынуждают признать неоспоримое преимущество мужчины. Серьезного развития достигает иерархическая власть. Тройственная структура традиционной власти в эпоху цивилизации впервые демонстрирует свою актуальность именно в данной культуре. В этот период твердой поступью возвышают свои позиции шаман, являющийся своего рода жрецом, опытный предводитель общества в лице шейха, а также сильная военная знать. Религия, политика и военная культура Ближнего и Среднего Востока носят на себе глубокие следы этого периода.

Это была культура, утвердившая саму себя. В середине V тысячелетия до н. э. она распространила свое влияние в Верхней Месопотамии, взяв под контроль культуру Тель-Халафа. Происходит своего рода колонизация. Кстати, археологические данные свидетельствуют о том, что первые колонии распространились в 4000 гг. до н. э. до территории современных провинций Малатья и Элязыг. Династический принцип

определяется теснейшими семейными узами, чего не было в предыдущую эпоху. Этих элементов в предшествующих культурах не было. Можно отметить следы этой разрушительной деятельности. Культурный слой многих разрушенных сел свидетельствует об умышленном разрушении и аннексии. Конкретные черты обретает торговая культура. Возможно, именно вместе с торговлей начинает формироваться первая в истории значительная гегемония.

Уже стало традицией называть период 4000-3000 гг. до н. э. периодом «урукской культуры», развивавшейся по следам культуры Эль-Убейда. Но, в отличие от последней, культура Урука впервые совершила скачок в плане урбанизации, класса, государства, иными словами, оставила за собой привилегию первой начать письменную историю, то есть цивилизацию. Естественно, огромным вкладом в историю стало то, что патриархат был превращен и культуру цивилизации, и в данном случае ключевую роль сыграла традиция искусственного орошения, обусловленная климатическими особенностями Нижней Месопотамии. Действительно такой тип орошения требовал большого количества людей, приспособлений и инструментов, что и становилось предусловием урбанизации. Более того, одновременная работа большого числа людей требовала решения вопросов питания, а изготовление инструментов для полива предполагало наличие целой прослойки ремесленников. В таких условиях размещение определенно должно было иметь городской характер, что порождало вопросы управления городом, средств легитимизации городской власти. Более того, городской образ жизни нуждался в системе защиты от грабительских племен, регулярно совершавших набеги извне. Объединение всех этих факторов порождало, таким образом, тройственную власть величественного жреца, правящего царя и военачальника. Эпос о Гильгамеше, посвященный первому царю Урука, очень эмоционально отражает эту действительность.

Город — это такая инфраструктура, которая, становясь причиной множества проблем, побуждала к самостоятельному развитию логики. Наличие проблем способствовало развитию логики, следовательно, мышления, что, в свою очередь, развивало «родства производства. Следом происходило развитие механизма управления экономикой, повлекшее за собой зарождение военно-политической власти. Классовое расслоение можно считать продуктом урбанизации. Город — это сообщество, вышедшее за пределы родоплеменных структур и династий. Более того, можно предположить, что в силу своей противоречивой природы иерархическая, патриархальная власть выдворяла за пределы своего влияния большое количество населения. Город, давая тем самым возможность хотя бы просто прокормить себя, становился центром притяжения больших пластов населения, вынужденных покинуть места своего постоянного проживания. Поскольку люди, оставшиеся в силу различных причин за пределами рода и племени, начинали формировать трудящуюся прослойку, управляемую городской властью, неизбежным становился процесс зарождения классов. Классовость, как комплекс социологических отношений, явилась значительным фактором культуры Урука. Государство возникло как естественное продолжение и развитие сети взаимоотношений, складывающихся в городе.

Городская власть не признает присутствия родоплеменной или династической власти. Она требует профессиональной власти, выходящей за рамки кровнородственных связей. Более того, для легализации самой себя власти требуется механизм убеждения. С этим делом

справляется жрец, создавший, вероятно, первый проект государства, и храм, являющийся своего рода макетом юрода. Формирование мышления, являющееся идеологической составляющей структурного строительства города, государства и классов, воплотилось в создании мифов и религии. Влияние материальной культуры на духовную культуру в Уруке обрело очень яркий характер. Очень впечатляющим был и обратный процесс. Более того, восприятие материальной культуры, находившейся под глубоким воздействием культуры духовной, в какой-то степени становилось просто невозможным. Глобальное идеологическое строительство сделало это невидимым. Важнейшая функция новой государственной идеологии заключалась в том, чтобы сделать незаметными материальные условия посредством внедрения в сознание людей процесса этого строительства, охватывающего язык и содержание и длящегося на протяжении тысячелетий. Этот процесс особенно поразительно виден в шумерском обществе. Государство представлялось как божественная структура, а класс трудящихся, соответственно, считался рабами, созданными богами. Посредническое звено между государством и управляемыми слоями нашло свое отражение в появлении ангелов. Если верховная власть олицетворялась с образом верховного божества, то его помощники, коими являлись божества «второго порядка», воплощались в пантеоне, то есть в высшем звене государственной власти, системе собраний. Все еще напоминает о себе древняя плеяда богинь — отблески женского влияния догородского этапа истории. Если перевести весь комплекс социальных отношений на наполовину мифический, наполовину религиозный язык, увидим, что они находят и узаконивают свое место в совершенно ином метафизическом мире, в рамках дилеммы «единица-население». Комплекс «город-государство-класс» создается вновь, уже как идеология.

Идеологическое перерождение, как дееспособная духовная культура, станет толкованием любого рода материальной культуры, даже самой природы. Опираясь на это, в частности, принимая за основу отражающие способности языка, сформируются понятия, люди обретут веру, начнут жить, благословляя жизнь и условия нового законного мира. На фоне перерождения даже вопросы о существовании реального рождения в какой-то степени утратят свой смысл, обретут мнимый характер. Урукская революция была настолько же значительной городской, насколько и земледельческой революцией. Она стала источником выхода и обретения силы рукава главные реки. Все последующие вливания — это источники наподобие мелких речушек и прудов, и их активизация происходит благодаря основному потоку. Действительно, в Китае тоже происходила городская революция. Такое имело место и в Центральной Америке. Но это были локальные культуры, неспособные сформировать главный поток, высохавшие на месте своего рождения или просто превращавшиеся в застойные омуты. Для того, чтобы стать цивилизацией, надо быть главным потоком или присоединиться к нему, и это главное условие. Нет цивилизации в чистом виде.

Что касается культуры Урука, то за ее спиной — находится неолитическое наследие, насчитывающее десять тысяч лет. Это не было манной небесной, посыпавшейся на пустыню. Эта новая культура называется также цивилизацией (культурой). Данное понятие можно интерпретировать и как урбанизацию, что тоже верно. Характеризуя в таком виде ее материальное и духовное выражение, мы, собственно говоря, характеризуем, чуть ли не всю цивилизацию.

По своей структуре культура Урука имела распространяющийся характер. Всестороннее расширение города, начавшееся благодаря увеличению урожайности, приводило к возникновению новых соседних городов, так как за ростом населения начинались миграционные движения. Сельская культура Плодородного Полумесяца, так же расширяясь, способствовала формированию целой цепи сельских поселений. Первые пояса сельских поселений начинались с Невали Чор (побережье Евфрата в районе Урфа-Сиверек) до Чайоню (на берегу одного из рукавов Тигра в районе Диярбакыр-Эргани), а оттуда распространение пошло в направлении Чеме Халлан (побережье реки Батман), и так вниз, до Керкука, подобно снежному кому (начиная с 10 тысячелетия до н. э.), имело место распространение сельской культуры. Это не есть то, что мы называем расцветом культур. Расцвет культуры Урука тоже прошел аналогичный путь. Увеличение количества городов приводит к возрастанию конкуренции. Поскольку город одновременно означает и рынок, он таит в себе элемент новой конкуренции культур. Торговля уже тогда превратилась в важную профессию. Возникли целые поселения ремесленников, обеспечивавшие потребности земледелия и транспорта. Столкновения между городами естественно способствовали актуализации проблемы гегемонии. Процесс перехода от города-государства к первобытной империи уже был не за горами (в таком случае все города переходили под власть одного человека или династии).

Потребности Урука в торговле привели изначально неолитическую территорию к стадии цивилизации и колонизации. Многие имеющиеся данные свидетельствуют о том, что вслед за колониальными образованиями, основанными на эль-убейдской культуре, сформировалась более широкая сфера распространения и колонизации, коей стал Урук. В частности, на берегах Евфрата можно было встретить очень развитые урукские колонии. Имеющиеся археологические данные свидетельствуют о том, что и противовес колонизаторскому движению Урука, расширяющегося с середины 4 тысячелетия до н. э., существовала тенденция отражавшая и мятежный дух культуры Верхней Месопотамии, впрочем, начиная с эпохи Тель-Халафа, не прекращавшую свой рост и расширение. Вместе с тем, здесь отражается и процесс взаимной торговли. Многочисленные раскопки курганов достоверно подтверждают то, что регион, благодаря своей сильной внутренней динамике, начиная с 3000 гг. до н. э., перешел к урбанизации. Данные, число которых возрастает с каждым днем, наводят на размышление о том, что городская культура со своего основного источника была перенесена в Верхнюю Месопотамию точно так же, как в Египет, Элам и Хараппа. В частности, относительно недавние раскопки поселения в Гёбеклитепе, что недалеко от Урфы, преподнесли такие данные, которые буквально поменяли все существующие взгляды (считается, что это поселение уходит корнями 11-му тысячелетию до н. э.). Доказано существование культуры, как полагают, - храмовой, в свое время, то есть до эпохи сельских поселений, имевшей просто гигантский характер. Даже несмотря на то, что смысл вкопанных камней полностью не раскрыт, ясно, что они являются отражением очень развитой культуры. Новые исследования могут способствовать «сползанию» центров культуры.

Этот параграф я написал для того, чтобы пояснить следующее: экспансии Урука могла противостоять только другая сильная культура. Культура, развивавшаяся в регионе, сопротивлялась ранее начатой культурной экспансии (речь идет о культуре Эль-Убейд, начавшей свой отсчет предположительно с VI тысячелетия до н. э.) и настаивала на

собственных культурных ценностях. Кроме того, прочность культурного строя региона свидетельствует о настрое и движении сопротивления, начатом против миграционных потоков, волнообразно прибывающих с юга и севера в течение всего мезолита и неолита.

Эти реалии подтверждают, что урукская культура растворилась в местной культуре, говоря о силе противостоящей культуры. Этот процесс, собственно говоря, продолжается и по настоящее время. Преимущество Урука поддерживалось государством, опирающимся на силу производства и населения. Такое впечатление, что мы видим первый прототип примера Голландии и Англии.

Мое личное мнение таково: Египет, Элам (юго-запад современного Ирана) и Верхняя Месопотамия, успешно ответив на первую волну расширения и распространения Эль-Убейда и Урука, создали собственные городские культуры. Наконец, с каждым днем растет число археологических данных, подтверждающих то, что, начиная с 4-го тысячелетия до н. э., ускорились процессы урбанизации в трех исторических центрах, которые притоками вливались в общий поток цивилизации.

Гораздо важнее то, что происходило в близлежащих к Уруку городских и сельских регионах. История свидетельствует о том, что культурная эпоха Урука завершилась к 4-му тысячелетию до н. э., и новый период начался с правления династии Ур. Вероятно, такое развитие событий стало результатом ожесточенных конфликтов в городе. Впрочем, изучение клинописных текстов проливает свет на эти процессы. «Элегия Ниппуру» и «Проклятие Агады» повествуют о судьбах сожженных и разрушенных городов. Как же сильно это напоминает события, происходящие в современном Багдаде и его окрестностях! Правление I и II династий Ур продлилось до 2350 г. до н. э. Период 2350—2150 гг. до н. э. ознаменован правлением знаменитой династии Саргона. И результате многих кровопролитных войн Саргон, которого можно назвать первым императором, установил свою власть над всем регионом Плодородного Полумесяца, то есть сформировал реальную империю, о чем он сообщает с самовосхвалением. Дело в том, что поразительную дикость он пытается представить как череду достойных деяний. По данным письменных источников можно проследить следующее: он превратил Агаду в столицу, был аморейского происхождения («пыльные, грязные люди» — так называли шумеры представителей племен, нападавших на страну со стороны Аравийской пустыни). В 2150 г. до н. э. автохтонное население Загроса под предводительством Гудеа сравняло с землей город Агаду и создало свою династию, которая пала примерно к 2050 г. до н. э. Третья династия Ур, пришедшая ей на смену, про существовала всего одно столетие.

История свидетельствует о начале величайшей вавилонской эпохи в 1050 г. до н. э. В результате споров, складывающихся и этом городе, перед нами предстает очень интересная картина Шумеры стали основным обществом, создавшим эту цивилизацию. Говоря «основное», я делаю акцент на источнике. Это на род, общество, корни которого уходят глубоко в эпоху расцвета Плодородного Полумесяца, но давно уже перешедший к оседлому образу жизни. Язык отличался от языка двух ближайших соседей, амореев и гутиев. Есть много совпадающих фраз. В частности, сходство обнаруживается с языками арийской семьи. Отличие от семитской языковой семьи очевидно. Город подвергался очень активным нападениям со стороны семитских и аморейских племен. Наконец, город Агада,

правлящая династия и правитель Саргон имели семито-аморейское происхождение. Даже высока вероятность того, что он рос в шумерских городских дворцах, был полководцем, который состоял в управлении. Эпосы отражают это. Гутии относились к шумерам скорее как к союзникам. Они имели загросско-арийское происхождение. Очень интересный момент, а ведь в современном Ираке наблюдается очень схожая картина.

Резюмируя, хочу сказать, что рождение и развитие цивилизации как системы к началу 2000 гг. до н. э. ознаменовалось кровопролитием, эксплуатацией, строительством городов и их разрушением, союзами, колониями, гегемониями. На плодородных поливных землях рабы в буквальном смысле работали за хлеб насущный, по соседству с ними, в городских и неолитических регионах развивались ремесло и торговля, и все это и совокупности создавало большой излишек продукта. Система цивилизации, построенная на базе этого излишка продукта, то есть материальной культуры, воздвигла величественную духовную культуру, обожествляла своих правителей, а рабов, не разгибавших своих спин, унижала, считая их экскрементами богов. Надо хорошо понять, что в эпосах о создании цивилизации очень четко прослеживается такое отражение материальной жизни. Что касается матери-богини, то она, судя по эпическим преданиям, создана из правого ребра мужчины. Легенды очень интересны, они очень ярко отражают зависимое положение матери-женщины. Жизнь теперь уже будет восприниматься, и отражаться при помощи языка этих легенд.

Реальная материальная жизнь, не создав по сегодняшний день собственного языка и комментариев, пытается порой говорить о старых истинах эзоповым языком, но поскольку и этот язык не был никому понятен, жизнь по-прежнему остается без языка, с утерянным смыслом. Давайте не забывать того, что еще не созданы язык истины и ее способность к пояснениям!

4. Эпоха цивилизации Вавилона и Ассирии (2000—300 гг. до н. э.)

Эти две цивилизационные эпохи, создавшие самобытные различия, несмотря на существующую между ними разницу во времени и месте, с точки зрения выхода на историческую арену и отрыва от шумерских династий, все же обнаруживают большую синхронность и культурные сходства. Высока вероятность того, что обе указанные цивилизации происходили от амориго-семитических корней и делили общее цивилизационное пространство с аккадской династией. Свидетельством тому являются культурно-языковые сходства и многочисленные письменные памятники.

Последняя величайшая эпоха шумерской цивилизации приходится на центр ее культуры — город Ниппур. Его можно назвать городом, где впервые люди получали академическое образование. После разрушения города Ниппур, вероятнее всего, аккадскими династиями, недалеко от него стал возвышаться город Вавилон с преобладающими аккадскими культурно-языковыми факторами, что можно рассматривать как начало новой эпохи цивилизации. Впрочем, по окончании периода правления последней шумерской III династии Ур, с начала 2000 гг. до н. э. новые династии под главенством Вавилона друг за другом устанавливали свое господство в городах, что и стало определяющим фактором начала

новой эпохи. Аккадский язык обрел широкое значение как язык новой эпохи цивилизации. Как язык политического господства и торговли, аккадский язык дает о себе знать на всем цивилизационном пространстве. Позднее, уже под названием «арамейский язык», став общим средством общения всех цивилизованных народов, аккадский язык сыграет роль, аналогичную той, которую играет сегодня английский. Аккадская культура развилась на базе культурного наследия Шумера, что с точки зрения цивилизации было явлением внутренне цельным. Преобразования, осуществленные в мифологии, обнаруживают себя в процессе возвышения Мардука в образе божества. Наиболее значительным эпическим произведением указанного периода стал «Эннума Элиш». Мардук становится верховным богом, снискавшим некогда гнев матери-богини, но символизировавшим и обожествившим культ мужского главенства. Представителями аналогичной когорты богов являются Зевс в древнегреческой культуре, Юпитер в древнеримской, Гудеа арийского происхождения в индоевропейской культуре (германские готы и бог Гот происходят от этого же корня, подобно Xwede в курдском языке), Аллах в арабской культуре, Брахма у индусов, «Дао» у китайцев.

Общая цивилизационная стадия и культурное сходство больше всего обнаруживают себя в этот период в эпитетах и названиях богов, представляющих общество как фундаментальный символ. Предполагается, что названия и эпитеты богов стали возникать примерно в 2000 гг. до н. э. В основе своей они базируются на общей глубокой культуре. В символизированной форме они обожествляют культ властвующего мужчины (захват домашнего имущества женщины-матери коварным мужчиной-насильником). Постепенно стало угасать основное имя матери-богини, которое на арийском праязыке звучало — Стар, на шумерском — Инанна, на хеттском — Кибела, на семитских — Иштар, на индусском - Кали, и вместо этого стали возвеличиваться упомянутые имена мужчин-богов. В том, что женщина оказалась на самом дне общества, выразилась самое страшное поражение и унижение с точки зрения языка и культуры 2000 гг. до н. э. В процессе сексуального порабощения женщины, начавшегося задолго до порабощения мужчины и племени в традициях материальной и духовной культуры цивилизации, женщина действительно была втиснута в клещи самого глубокого унижающего порабощения, лишена голоса, проклята и наделена убийственным статусом. На этой культурной почве укоренился образ униженной женщины-бабы и мужчины-мужа, установившего над ней безграничную власть. Эти рассуждения подтверждаются статусом, в котором и по сей день живут женщины в арабских странах в сообществах Ближнего и Среднего Востока, делящих с ними аналогичное культурное пространство. Преступления на почве так называемой «защиты чести» являются самыми незначительными элементами упомянутой традиции.

Вавилонская эпоха была более приоритетной, нежели ассирийская. Ключевую роль в этом сыграл последовательный, шаг за шагом, отход в географический регион Северной Месопотамии. Если Вавилон располагался южнее современного Багдада, то ассирийский город, получивший свое название от имени бога, располагался в окрестностях современного Мосула. Позднее он уже стал называться Ниневией.

Заметно, что город-государство Вавилон в силу некоторых своих особенностей привлекал к себе внимание на протяжении всей истории. Вавилон, прежде всего, освоил всю культуру Ниппура, являвшегося последним культурным центром Шумера. Ясно, что на имперской

стадии в Вавилон были перемещены все культурные накопления современных обществ вместе с их предводителями. Видимо, сказание о знаменитой вавилонской башне и семидесяти двух языках не легенда, а скорее, отражение реальных событий, точнее — эпическое отображение действительности. Период 1900-1600 гг. до н. э. является самым величественным периодом вавилонской эпохи мировой цивилизации. Вавилон реализовывал свое имперское господство во всех цивилизованных регионах. Самый знаменитый вавилонский правитель Хаммурапи во всех регионах цивилизации стал вторым после Саргона великим правителем в истории. «Законы Хаммурапи», которые он назвал своим именем, несмотря на то, что они являются продолжением предыдущих правовых традиций, все же имеют первостепенное значение с точки зрения эффективности и тех следов, которые оставили в истории. Очевидно, что культура цивилизации несет в себе следы периода Хаммурапи, независимо от того, в чем они выражены, в божественной ипостаси или в форме законности. После всех кровопролитных войн этот правитель установил свое господство над всеми городами. Источники сообщают, что он безжалостно покорил всех соседей и те родоплеменные сообщества, которые находились в пределах его границ. Из истории региона известно, что египетские боги-цари называли себя фараонами, а вавилоно-ассирийские боги-цари носили титул «нимвроды».

Исход, или побег пророка Авраама из города Ур (современная Урфа), отображенный в Исходе (самая древняя священная книга иудеев), напрямую связан с жестокостью вавилонских нимвродов. История свидетельствует о владычестве Хаммурапи в период 1700-1650 гг. до н. э.. Если обратить внимание на то, что исход пророка Авраама приходится на этот же период, то предельно ясными станут противоречия между Авраамом и Нимвродом. Авраам был предводителем одной из многочисленных родовых общин, занимавшихся земледелием, скотоводством и торговлей в окрестностях Урфы. Как и сегодня, в те времена в регионе проживало много родоплеменных сообществ переходного типа, причем как арийского, так и семитского происхождения.

Известно символическое значение частью религиозного, мифического повествования об Аврааме и его племени. В данном случае выявляется значение того факта, что пророк Авраам считается отцом трех монотеистических религий, и в мире, казалось бы, нет религии, которая не испытала бы на себе влияние его личности. Можно предположить, что многие племена и города восставали против вавилонских нимвродов, в лице Хаммурапи находившихся на пике власти (термин «нимврод» охватывал центральный аппарат и региональных лидеров вавилонской бюрократии. Видимо, «нимвродами» называли городских и региональных предводителей). Ясно, что навязывание, под каким бы божественным именем оно не происходило (в частности, именем Аллаха), имперских законов и традиций родоплеменным сообществам и даже селам и городам с сильным влиянием общины, неминуемо вызовет волну мятежей и сопротивления. Общества, не признающие рабства, не могут быть поработаны. Они порой предпочитают массовую гибель своего сообщества массовому поработанию. История знает бесчисленные тому примеры.

Религия или предания пророка Авраама, в сущности, олицетворяют анти-нимвродовское движение. Первым его источником являются категории места и времени Вавилонской империи в 1700 гг. до н. э. Вторым источником и ответвлением стали предания о выступлениях против египетских фараонов, начиная с 1300 гг. до н. э., проходивших под

предводительством пророка Моисея. Иными словами, речь идет о сопротивлении сообществ, последовавших за пророком Авраамом, и, будучи наполовину поработченными, но мечтая об освобождении, восстали против образа жизни, представлявшего власть египетских фараонов. Их движение проходило по тем же самым или схожим путям. В совокупности эти повествования составляют традицию Священного Писания. Эта традиция, насчитывающая длительный путь и последовательно формирующаяся в новую культуру, фактически родилась на волне сопротивления власти двух правящих институтов того периода, коими были нимроды и фараоны, считавшие, что являются богами-царями. После пророка Моисея эта традиция была представлена более сильными монархами (например, это многие пророки, жившие в традициях, начатых братом Моисея Аароном, а именно Самуил I и Самуил II, Исаяя и др.), усилиями Давида и Соломона в 1020-900 гг. до н. э. создали мощное царство, располагавшееся на современных территориях Израиля и Палестины. Без внимательной оценки исторического развития и влияния этой традиции и ее представителя, коим было племя Авраама, мы не сможем понять и оценить ни историю цивилизации, ни различного рода восстания и сопротивления против нее. (Говоря «различного рода», мы имеем в виду идеологическое, мифическое, философское, религиозное, политическое, физическое, экономическое, правовое, родоплеменное и национальное движения).

Мы видим, как первому этапу Вавилонского царства бы положен конец в 1596 г. до н. э. в результате наступления сил, имевших хетто-хурритское происхождение и получивших название касситов. Интереснее и важнее в данном случае то, что существовал союз, сторонами которого были хетты и касситы. Эта тема, еще не особенно раскрыта историками, имеет большое значение для изучения истории народов региона. В любом случае победу над таким сильным культурным и военно-политическим явлением, как Вавилон, нельзя назвать легким делом — это требует мощной противостоящей культуры.

Наконец, следует подчеркнуть факт постоянных исходов, точнее, побегов, которые были вынуждены совершать носители религиозной культуры Авраама. Политическая активизация возможна только там, где возникает вакуум.

Ключевое значение имеет анализ традиции, зародившейся в регионе Загроса и Тавра; значительным представителем этой традиции был гутийский царь Гудеа, сплотивший вокруг своей монархии конфедерацию племен Загроса в период процветания городов Урук и Ур. Последним примером деяний этого царя стал удар по Аккаду в 2150 г. до н. э., что и положило конец это му государству. (Интересно, что этот монарх носил имя самого великого арийского божества Гудеа. Ясно, что начался своего рода антицивилизационный процесс). Скудость исторических данных или полное умалчивание этой традиции вызывает острый интерес, ибо сфера, в которой происходили эти события, имеет большое значение и требует глубоких исследований.

С большой долей вероятности можно предположить, что широкая сеть родоплеменных сообществ вела повстанческую деятельность и организовала конфедерацию против общей угрозы, создала устойчивую земледельческую культуру и частую сеть сельских поселений в противовес культурным колониям Эль-Убейда и торгово-полигической колонизации Урука и Ура, более того, вплотную приблизилась к порогу цивилизации, совместно используя горные подножья и долины, возможно, дошедшие до порога урбанизации гораздо раньше других.

Эти результаты деятельности способствовали образованию более устойчивых политических объединений (Об этом напоминает холм больших храмов в Гёбеклитепе, вилайет Урфа. Сотворившие эту культуру и 10 000 гг. до н. э. могли создать городскую культуру гораздо раньше Урука и Ура. Архитектура и мифология дают возможность это почувствовать).

Из истории видно, что данные сообщества, оказавшиеся в 3000 гг. до н. э. во власти Шумера под общим названием «хурриты», в середине 17 века до н. э. создали два мощных политических союза, один из которых был на севере с центром в Каниш и Хаттушас и носил название хеттского, а другим был союз митанни с центром в Важукани (Хвешкани, красивый, приятный родник, современный Джейларпынар и расположенный напротив, в Сирии город Серекани). Многочисленные документы подтверждают тот факт, что митанни расширили сферу своего присутствия от Керкук и Загроса до Тель-Алала и Аманосов, а 1400 гг. до н. э. вместе с египтянами и хеттами составляли третью крупную культурно-политическую силу. У них были общие с хеттами язык и культура. Между ними существовала тесная кровная связь, и они практиковали династические браки на высоком политическом уровне. (Хеттский правитель Шупилулиум заявил митаннийскому наследнику престола Матизаве следующее: «Я выдал за тебя свою дочь, так давай же, как нам подобает, будем вместе править регионом»). В египетских иероглифических письменах нашла свое отражение мощь митанни. Во дворце было много невест митаннийского происхождения. Одной из них являлась известная Нифертити.

Знаменитая хеттская богиня Пудухепа тоже имела хурритское происхождение и оказалась последней представительницей следов женского влияния в регионе. Прежние гутии и касситы, теперь уже под новым названием «митанни», стали одной из нижних ветвей хурритов. Слово «хуррит», означавшее в шумерском языке «горцы», является названием, которое время от времени используется и по сей день. Интересно, что все серьезные признаки указывают на то, что цари и принцы страны, названной Хеттской, имели самоназвание хурриты, и их жены тоже назывались хурритскими принцессами. Мое личное мнение таково: если митанни представляли собой образование, напоминающее политический союз или конфедерацию, образовавшуюся преимущественно в регионе Плодородного Полумесяца в южном дугообразном предгорье Тавро-Загросской горной гряды, то одна из ветвей конгломерата хурритских племен распространилась до горных районов Черноморского побережья, а на всем Северном Тавре хетты создали второе ответвление, представлявшее собой более сильное образование, даже можно сказать, первобытную империю. Культурная база, родственные связи, дипломатические отношения, и, что важнее всего, хетто-касситский союз — список подтверждающих факторов можно продолжить.

Первый вавилонский период можно спокойно охарактеризовать сквозь призму этой культурной борьбы на севере и политического союза, образовавшегося в итоге этого сопротивления. На втором этапе своего существования (1600-1300 гг. до н. э.) Вавилон находился под господством этого политического союза или управлялся вместе с ним, входя в своеобразный альянс. Но, так или иначе, он был крупнейшим торгово-культурным центром своей эпохи. Тогдашний Вавилон был таким же, каким является сегодняшний Париж.

Вавилонская цивилизация оказала серьезное влияние на все три Священных Писания, оставив после себя множество следов. Вавилон можно считать торговой базой, региональным рынком и университетским городом той эпохи. Можно также уверенно говорить о том, что Вавилон сыграл роль своеобразного международного центра своей эпохи (точнее, не международного, а межплеменного и межконфессионального центра). Все политические, торговые, разведывательные игры проходили в Вавилоне. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что Вавилон мог быть центром заговоров. В Священном Писании это описано чрезвычайно ярко. В сущности, Вавилон достойно сыграл свою роль центра цивилизации — в этом смысле его можно поставить в один ряд с современным Лондоном.

Третий этап истории Вавилона (610-630 гг. до н. э.) начался с образования союза с Мидией (очень напоминает сегодняшний союз шиитов с курдами). В это же время, в 612 г. до н. э., была стерта с лица земли Ниневия. Конец империи наступил во время завоевательного похода Александра Македонского в 330 г. до н. э., и она вспоминается теперь как империя знаменитого Навуходоносора. Это была последняя великая империя Месопотамии, которая, начиная с этой даты, постепенно теряла свою роль основного центра. В долинах междуречья Тигра и Евфрата, на берегах рукавов этих рек, в горных и равнинных районах междуречья, бывших на протяжении около 15 тысячелетий основным центром истории, империя перемалывала культуру человечества и распространяла ее по всему миру, после этого, утомившись, но не теряя надежд, готовилась к новому этапу своей истории.

Ассирийскую эпоху также можно разделить на три этапа. Ассирия была одной из сильнейших военно-политических и торговых сил древней истории и играла промежуточную роль между шумерской и греко-римской цивилизациями. В истории она ассоциируется с кровопролитиями, насилием и торговой созидательностью. Падение Ассирии праздновалось всеми народами Ближнего и Среднего Востока (в том числе и ассирийским народом). Определяющим в этом «празднике региона» являлось то, что деспотиям нимвродов и фараонов наступил конец.

Первым был этап усиления торговой аристократии (2000—1600 гг. до н. э.). Впечатляющим образом торговая и политическая знать находит свое монополистское воплощение в одном лице. Можно говорить о том, что торгово-политическая монополия впервые была создана ассирийскими сообществами. Мы можем уверенно констатировать тот факт, что Ассирия базировалась на широком историческом наследии, использовала торговые накопления и традиции Эль-Убейда, Урука, Ура, Вавилона, буквально развивалась по их следам, начиная с 2000 гг. до н. э., расширяла торговлю со всеми цивилизованными регионами, с соседними неолитическими селами и кочевыми сообществами, создавала торговые колонии в прилегающих центрах, впервые осуществляла деятельность в качестве независимого капитулянта, владела развитой караванной сетью, была цивилизацией с высоким коммерческим сознанием, безжалостно применяла силу для уверенного развития всех этих стратегических связей. Ниневия буквально утопала в богатстве, золоте и серебре, как сегодняшний голландский Амстердам. Центр торговли самой качественной тканью, строительства самых знаменитых дворцов уже формировался в самой Ниневии и ее окрестностях. Подобно тому, как Амстердам конкурирует с Парижем, так и Ниневия (Ассирия) конкурировала с Вавилоном. Эти государства прилагали большие усилия для оказания влияния друг на друга и установления собственного господства. Не прекращались

экономические, торговые, политические и военные столкновения и конфликты, вызванные противоречивостью интересов. Несмотря на то, что обе эти государства периодически устанавливали господство друг над другом, ни одной из них не удалось окончательно утвердить свое превосходство.

Второй этап (1600—1300 гг. до н. э.) характеризуется тем, что Ассирия попала под влияние союза митанни и вавилонян. На этом этапе Ассирия продолжала свою торговую роль.

Третий этап (1300-600 гг. до н. э.) ознаменован созданием настоящей военно-политической мощи, что способствовало превращению государства в наиболее устрашающую силу эпохи. Ассирийцы не оставили ни одного не оккупированного ими района, за исключением Урарту, но включая Египет. Все родоплеменные сообщества переживали наиболее болезненный период своей истории. Можно сказать, что ассирийский период стал самым кровавым во всей цивилизации. Правители этой страны, восхищаясь собственной «удалью», считали, что стены и башни, выстроенные ими из человеческих черепов, являются мерилем их величия. Уничтожались все представители родоплеменных сообществ, кроме тех, кого порабощали. Даже такая цивилизация, как Египет, не избежала оккупации со стороны Ассирии (670 г. до н. э.). Иерусалимское царство было стерто с лица земли. Ассирия превратилась в мировую силу, подобную США сегодня. Кроме того, в самом развернутом виде торжествовало чувство, которое сродни имперскому эгоизму. Ассирийские власти не признавали таких понятий как мирное сосуществование и культура взаимопонимания. Нельзя преуменьшить вклад, внесенный ими в формирование императорской традиции.

Определяющую роль в упадке Ассирии опять сыграли племена хурритского происхождения. Известно, что на протяжении длительного срока (1600—1300 гг. до н. э.) митанни не давали им покоя. Даже смертельный удар по ним не положил конец сопротивлению хурритов. Родоплеменные сообщества, называвшиеся «наирянами» (на ассирийском языке означает «люди, живущие рядом с водой»), осуществляли повстанческую деятельность (1200—900 гг. до н. э.) вместе с объединениями конфедеративного типа, проживавшими на территориях современного Ботана. Начиная с IX века до н. э. на историческую арену выходит политический союз, известный под названием Урарту. Восстания против Ассирии продолжались с 870 г. до н. э. до полного упадка вышеупомянутого государства в 610 г. до н. э. Центр этого повстанческого движения, длившегося примерно три столетия, находился в районе современного Вана. Движение способствовало формированию сильного централизованного политического образования, оставившего глубокий след в истории. Предположительно речь может идти о смешанной политической надстройке. Изначально преобладало влияние ассирийского языка. Можно предположить, что далее использовался смешанный язык, испытавший влияние хурритского, армянского и кавказских языков. Такая структура языка отражает всю мозаику, имевшую место на повстанческом этапе. Ясно, что народы региона отстаивали свое существование, сформировав сильное политическое образование посредством объединения перед лицом общей угрозы. Упомянутый период можно считать временем впечатляющего выхода на историческую арену скифских племен кавказского происхождения. Учитывая мастерство жителей Урарту в кузнечном деле, изготовлении оружия и посуды из меди, преимущество перед соседями в архитектуре, в первую очередь, в строительстве крепостей, а также пристальное изучение причин поражения ассирийцев, способствовавшее развитию военного искусства, понимаем, как

возрастало значение урартов. Даже если царство Урарту и не нанесло окончательного смертельного удара по Ассирии, наибольшее участие в ее раздроблении приняли именно урарты. Угасание цивилизации Урарту стадо глубоким следом в истории, оставленным самими урартами.

Окончательное поражение Ассирии в 612 г. до н. э. стало итогом скрытых длительных дипломатических усилий Вавилона, а также союза города-государства Вавилон с Мидийской конфедерацией, установленного в результате многолетней деятельности жрецов Мидии (Маг по-курдски означает «очаг огня»). В регионе начался период возвышения Мидии и третьего вавилонского периода.

Самый серьезный вывод, который можно сделать из практики ассирийской цивилизации, — это тесное взаимодействие политической и торговой монополий и их связь с войнами. Ассирия стала важнейшим этапом развития торгово-политической монополии в истории цивилизации. Можно сказать, именно ассирийские торговые монополии гораздо раньше Персидской империи сформировали центральное звено между египетской, китайской и индийской цивилизациями. Они создали целый мир торговли. Речь идет о глобальном характере этого периода. Опять же, становится ясно, что торговая монополия — это совсем не экономика, а то, что путем установления против экономики беспрецедентного режима террора происходит экспроприация всех ценностей, созданных трудами многих народов и племен. Совершенно очевидно, что без государственной машины невозможно было развитие торговой монополии. Если предыдущие монополии полностью были связаны с рабовладельческим характером земледельческого производства, то торговля впервые обрела вес, соответствующий земледелию. Если назвать торговую монополию капитализмом, то политическая монополия занимает свое место и истории цивилизации как эксплуататорская сила, достигшая большего эффекта в аннексии излишка продуктов земледелия. Империя — это форма управления, развитию которой гораздо больше способствовала торговля, нежели земледелие. Торговля на дальних расстояниях нуждается в безопасности передвижения, но это может обеспечить только империя. Что касается эскалации силы, то ясно, что она напрямую связана с сопротивлением общества, не принимающего навязанные ему новые экономические реалии.

Вполне очевидно, что для экономики могут быть очень полезны земледелие, рынок, мелкая торговля, ремесла, наличие многочисленных независимых прослоек. Труд человека, присутствующий во всех этих сферах, подтвердил свою ценность как средства повышения производительности. Нетрудно доказать отсутствие потребности в политических, военных и торгово-экономических монополиях. Разве экономика перестала бы развиваться, если бы не было Ассирии? Напротив, ясно, что именно мирная обстановка делает возможной разнообразную и позитивную экономическую жизнь. Государство как антидемократическая форма управления не только бесполезно; это сила, своим бюрократическим аппаратом, войнами, развернутыми войнами, аннексионистской политикой компрометирующая экономику и общество. Здесь я отнюдь не оспариваю значения и необходимости таких явлений, как урбанизация и классовое расслоение, я просто призываю к ответственности тот тип связи, который существует между цивилизацией и насилием, облаченным в религиозные идеологические одежды и возводящим вокруг себя плотный военно-политический частокороль. Если и существует цивилизация в смысле положительных сторон

урбанизации, то я неустанно спрашиваю себя о том, почему все это так испоганено, и повторяю, что поразительно регрессивные и консервативные препятствия выявляют негативные стороны урбанизации. Координация управления — это одно, а монополии, творящие насилие и экспроприацию, — это совершенно другое.

Я подчеркиваю, что тесная сопряженность политической, торговой и экономической монополий свойственна не только капитализму; формируя вместе с урбанизацией и династией аналогичные особенности с самых первых этапов цивилизации, она по сей день продолжает подавлять положительные стороны и демократичное влияние цивилизации, существующие в виде неразрывной цепи. Продолжим изучение всех звеньев этой цепи.

5. Цивилизации Египта, Индии, Китая, хеттов и финикийцев

Рассуждения о вкладе Египта, Индии и Китая в основной поток цивилизации требуют серьезного труда; Здесь не место для глубокого анализа данной проблемы. Но поучительным мог бы быть вопрос о том, почему эти цивилизации были преимущественно земледельческими, не проявили никакой воли и силы для того, чтобы выйти за рамки устоявшегося в своих регионах уклада. Я убежден в том, что достаточно развитый характер этих цивилизаций в масштабах своих регионов, а также длительность существования обусловлены тем, что на их территориях не создавались экономические монополии, в частности, они не обращались к торговле на больших расстояниях. Во всех трех упомянутых государствах, казалось, вообще не было внешней торговли. Заметно, что в структуре земледельческой деятельности и внутренней торговли также особенно не было никаких шансов на формирование монополий. Действующие политические монополии были относительно долговечны, потому что не связывали свою судьбу с экономическим монополизмом. Военно-политический фактор, задействованный только на предотвращении внешних угроз, вызывает в обществе гораздо меньше противостояния и протестов. Следовательно, у него появляется больше шансов на долговечное существование. В конечном счете, и они становятся экономическими монополиями ростовщиков. Но очевидно и то, что они не были затянуты по самое горло в болоте экономических монополий.

Вклад Египта в развитие культуры и цивилизации Европы со измерен со степенью его влияния на греко-римскую культуру. Что касается Африки, то египетская культура как бы прошла мимо нее. Египет не вел торговлю. Он абстрагировался и от Ближнего и Среднего Востока. Может быть, Египет являлся одним из первых примеров государственного социализма. Ни один из схожих примеров не был столь эффективен, как египетский. Египет дошел до цивилизации, полностью пройдя путь Ближнего и Среднего Востока, а Индия и Китай сделали это частично. Присоединим эти потоки к своему течению, ислам сыграл значительную роль в направлении этих культур в общее русло европейской цивилизации.

Не стоит создавать новое заглавие для хеттов. В форме хуррито-миттаннийского союза они донесли цивилизацию до Анатолии. С учетом их влияния на Эгейском побережье можно говорить о том, что они не меньше, чем египтяне и финикийцы, внесли свой вклад в развитие новых цивилизационных процессов на Балканском полуострове. Хурриты

остановили распространение влияния Египта на территории Сирии. Они также проявили эффективные действия, способствуя остановке экспансии Ассирии и, гораздо раньше, Вавилона.

Торговлю на дальних расстояниях, которую не развили египтяне, активно развивали финикийцы, обосновавшиеся в Восточном Средиземноморье. Финикийцы добились больших успехов в создании первых торговых колоний на всем побережье Средиземного моря. Они были первыми, кто донес до Европы культуру Ближнего и Среднего Востока и Египта. Достижения финикийцев в создании алфавита и судостроении достигли впечатляющих результатов с точки зрения цивилизации. Именно они обучили греков азбуке. Они построили первые порты. Значительную роль сыграли финикийцы в распространении духовной культуры. След, оставленный ими в истории, оказался, как минимум, таким же результативным, как и след, оставленный государством Урарту.

Влияние Иудейского царства больше всего распространялось на духовную сферу. Важнее всего то, что монотеизм был создан в рамках иудейской традиции. Такое ощущение, что в противовес материальным основам египетского и шумерского государств у них сформировалась историческая потребность в создании института духовности. Иудейскую традицию нельзя рассматривать в узком контексте еврейства. Если евреи укрепились скорее на материально-финансовом крыле иудейской традиции, то духовное крыло этой традиции составляли пророки, писатели, интеллигенция и интеллектуалы. Влияние, сформировавшееся в обоих указанных станах, в свою очередь, стало решающим для всей истории цивилизации. Для того, чтобы в полном объеме охарактеризовать цивилизацию, необходимо всесторонне проанализировать шумерскую, египетскую и иудейскую традиции. В этом отношении крайне пустыми могут выглядеть рассуждения о европейской культуре на базе средневековой и частично греко-римской культурных традиций. Подобный стиль рассуждений, надо сказать, недостаточный и неверный. Позднее я постараюсь раскрыть то, к каким ужасающим последствиям привели эти недостатки.

6. Мидийско-персидская эпоха (700 -330 гг. до н. э.)

Мидийцы оказали на цивилизацию влияние, масштабы которого еще не полностью изучены по сей день. Наиболее серьезные из известных истории особенностей заключаются в том, что мидийцы произошли от хурритов, проживавших в районе Загроса, имели родственные связи с персами и представляли собой одно крыло конгломерата арийских племен Мидийцы прославились своей повстанческой деятельностью против жестокого гнета Ассирии. Основными учителями и руководителями мидийцев были жрецы, которых называли магами. Можно говорить о длительной протяженности роли, сыгранной жрецами в управлении мидийским сообществом. Однозначно можно утверждать, что к 700 гг. до н. э. мидийцы образовали конфедерацию и под топонимом «Мидия» проживали на западе современного Ирана и в районе, прилегающем к стыку трех границ современных Ирана, Ирака и Турции. Со скифами, выходцами из Кавказа, мидийцы порой находились в дружеских отношениях, а порой имели место стычки. Победа над Ассирией в 612 г. до н. э. способствовала укреплению авторитета мидийцев и открыла перед ними все пути. Известно, что в 585 г. до н. э. они разгромили фригийцев у реки Кызылырмак. В этот период обретает известность один из магов по имени Зороастр. Формируется религиозная традиция с преимущественной

этической направленностью — это не было ни религией, ни философией в полном смысле слова. Зороастризм отличался от иудейской традиции, но имело место взаимопроникновение. Влияние зороастризма особенно актуализировалось в тот период, когда вавилонский император Навуходоносор в 595 г. до п. э. пленил сынов израилевых. Греческая цивилизация считала мидийцев выше и важнее персов. Это был народ, о котором больше всего упоминается в «Истории» Геродота. В 559 г. до н. э. в результате предательства персидские Ахемениды встали во главе мидийского политического образования. Основоположник ахеменидской державы Кир вырос в мидийских дворцах. Персы и мидийцы были элементами, совместно создавшими эту империю. Называть эту державу просто персидской империей недостаточно правдиво.

Персидско-мидийская империя на протяжении трехсотлетнего исторического отрезка создала самый широкий в истории политический союз, распространив свое влияние на всем протяжении от Египта до внутренних областей Индии (ликвидировано в 515 г. до н. э.), и от границ Китая до Балканского полуострова. Разделенная на двадцать две провинции, она создала своего рода полу-государство. Вкладом в историю стало создание бюрократии, хороших дорог, почтовой системы, величественной армии, являвшейся самой большой армией своего времени. Они придавали серьезное значение нравственной традиции.

Греческая цивилизация именно у мидийцев и персов переняла многие свои культурные факторы. Водораздел между Востоком и Западом сформировался именно в этот период. Между ними имело место активное взаимовлияние. Многие греки занимали определенные посты при персидском дворе, тысячи греков были наемными воинами. Факт накопления ими больших богатств, двухсотлетнее господство в Эгейском регионе развило в них противостояние по отношению к персам. Отражение гнета персов и овладение их богатствами стало чуть ли не национальной целью греков. Отнюдь не случайно появление Александра Македонского в качестве нового Геркулеса. Он вынес свою долю из этой дилеммы и получил специальное образование у самого Аристотеля. Даже греческая философия несет на себе влияние глубокой поглощенности проблемами выступления против персидского гнета. Впрочем, гораздо большее отражение этот процесс нашел в древнегреческих мифах. Создала своего рода культуру сопротивления. Опыт мидийцев в борьбе против Ассирии греки использовали в борьбе против персов. Сила, стоявшая за Александром, который был родом из Македонии, но сыном греческой культуры, он словно как бумагу изорвал на мелкие кусочки Персидскую империю, — это сила многовековой повстанческой культуры, в частности, синтез философского просвещения и свобододолюбивого родоплеменного духа Македонии.

7. Греко-римская культура и цивилизация

Греко-римскую культуру и цивилизацию ошибочно считают началом западной культуры. На Западе, то есть в Европе, не родилась такая культура и цивилизация, которую можно было бы назвать западной культурой и цивилизацией. Все, что имело место, в том числе христианское Средневековье, можно считать переносом культур и цивилизаций средневосточного (месопотамского и египетского) происхождения в Европу с логическим задержкой вплоть до 15-го столетия н. э. Эти самые 15 тысячелетий «длительного периода», о которых я старался говорить, цепь событий, исходящая из определенного

места,— это ответ на вопрос о том, как эта культура в виде звеньев цепи входила и общее русло Европы.

Несмотря на то, что греко-римское звено сформировалось в географическом пространстве Европы, все, что имеет, она черпала из полученного наследия. В этом процессе не было никаком серьезной новизны и «непостоянства», способных сформироваться как элементы материальной и духовной культуры после XVI века. Зарождение философии, которую можно было бы назвать новацией, тем не менее, невозможно представить без культуры, унаследованной от Вавилона, Египта, хеттов, Урарту, Мидии и Персии. Даже Платон признавал, что греческие мудрецы, в первую очередь, Солон, Пифагор, Фалес, годами путешествовали по философским центрам Востока, в первую очередь, в Вавилоне, где и формировались их философские взгляды. Что касается греческой и римской философии, то, кроме названий, все эти мифы являются, в сущности, четвертой и пятой версиями шумерской и частично египетской мифологии (Шумер, Вавилон, хурриты-хетты-миттани, Греция, Рим). Неолитическая эпоха как материальная культура в 4000 гг. до н. э. достигла всех сфер жизни Европы. Шумерская и египетская культура достигла Европы в 2000-1000 гг. до н. э. Синтез, начавшийся на Балканском полуострове в конце 2000 гг. до н. э., после первых проб в 1600-1200 гг. до н. э. начал давать свои плоды только с 1000 гг. до н. э., с началом антиэпохи. Первыми, кто упомянул об этом, были Гомер и Гесиод. Аккумуляция процессов, начавшаяся на Апеннинском полуострове в 1000 гг. до н. э., в эпоху этрусков, завершилось в 700 гг. до созданием царства, а в середине 1-го тысячелетия до н. э. — республиканского строя.

Тысячелетний период, длившийся с середины 1-го тысячелетия до н. э. до середины 1-го тысячелетия н. э., богат многими особенностями. Сформировалась цепь городов, достойная называться после Урука вторым поясом. Безусловно, греко-римская урбанизация — это стадия развития с высокой эстетической ценностью. Если даже классовое расслоение и формы управления не достигли одинакового уровня зрелости, то в комплексе со своими особенностями они существовали уже тысячелетия назад. Также тысячелетия назад уже сформировались торговля, рынок, деньги и такие культурные факторы, как алфавит, наука, философия (мудрость), мораль, мифология. Можно говорить о том, что все эти факторы прошли сквозь призму очень серьезной второй версии. Но без наследия была бы бессмысленной производная с двух островов, как будто из ничего произрастает зеленая трава. Западная историография долгое время крайне недостаточно и ошибочно понимала вопрос о корнях. Только в постмодернистский период стали появляться более правильные толкования.

Одной из особенностей греко-римской культуры является последовательное и сопряженное друг с другом развитие таких государственных режимов, как монархия, республика, демократия и империя. Если изначально демократии и монархии были тесно связаны друг с другом, то на последних этапах развития в тесном переплетении развивались республиканские и императорские режимы: так, накануне распада особое значение обрела империя, как форма власти. Она воплотила собой последнюю и самую содержательную культурную и цивилизованную систему рабовладельческого строя. Данная особенность очень важна. Этот строй должен был или распасться, или измениться. Поэтому Римская империя претерпела изменения, фактически распавшись. Пережив в рамках греко-римской

цивилизации наиболее содержательный и исторически долгосрочный этап, она вступила в полосу глубокого кризиса. Производство, основанное в сельской местности на земледелии, а в городских условиях — на ремеслах, способствовало накоплению значительного прибавочного продукта. Обилие прибавочного продукта стало основой организации государственного типа. Прибавочный продукт по своей сути связан с людьми, работающими ради хлеба насущного. Главенствующим является использование рабовладельческой формы труда, на основе которой формируется государственная монополия, состоящая из триады — идеологии, политики и армии. Эта система, развивавшаяся в тесной связи с урбанизацией, углубляя вместе с развитием процесса разделения труда, обеспечивала формирование цепи таких явлений, как превращение труда в товар, далее рынок и деньги. Торговая монополия, вступившая в действие на этой стадии, дает возможность аннексии части прибавочного продукта. В плане аннексии прибавочного продукта, формирующегося в земледелии и ремеслах, по сути, рождаются две монополии внутри государства или между государствами, и эти монополии соревнуются и противоречат друг с другом. Несмотря на отсутствие четкого водораздела между ними, точки зрения урегулирования многих военных и политических взаимоотношений и возникающих противоречий, ключевую роль играет понятие двух монополий.

Общественную систему (формацию), формирующуюся из материальных и духовных культурных цельностей, составляющих, в свою очередь, стержень сплотившихся вокруг города идеологических, политических и военных механизмов, представленных силами, грубо называемыми нами сельскими и торговыми монополистическими кланами, можно назвать цивилизацией. Поскольку контроль над господствующей формой эксплуатируемого труда устанавливается в форме рабовладения, имело бы смысл называть эти системы «рабовладельческими цивилизациями». На протяжении всей истории цивилизации можно четко разграничить развитие конкуренции и противостояния по двум каналам: первый поток развивается внутри самой цивилизации в целом в форме монополий и, в частности, сельских и торговых монополий; второй поток — между всеми общественными силами, находящимися в состоянии конфликта с цивилизационными системами (классы, племена, родовые сообщества, народы, ремесленники). Источниками всех войн являются эти два канала, и во имя побед материальная и духовная культура и отой же причине постоянно развиваются в обстановке жесткой конкуренции и противоречий. В истории цивилизации начинаются процессы, которые мы называем «цепной реакцией».

Эта цепная реакция, вкратце рассмотренная нами вплоть до греко-римского периода, является кризисным процессом. Упадок, ослабление земледелия и торговли в силу различных причин, в различных сферах, способствует постоянным кризисам. Причинами кризисов являются такие явления, как климат, перепроизводство, внутренние и внешние конфликты, внутренняя и внешняя миграция, эффективные средства производства, в аналитическом смысле более развитые системы (философии) и организации в военной, политической и идеологической сферах. В роли средств производства используются прослойки, не желающие освободиться от монополистических клик и требующие увеличения своей доли, а также всевозможные конфликты и войны. Так происходит потому, что они являются монополиями, основанными на экономике. В частности, в силу частоты торговых кризисов, активнее всего способствуют войнам те государства и цивилизации, которые больше всего базируются на торговле. То, что государства и цивилизации, в

которых господствуют земельные монополии, регулярно функционирующие в благоприятных климатических и оросительных условиях, развиваются в более стабильной и мирной обстановке, происходит потому, что нет частых кризисов. Если смотреть на проблему с точки зрения этой перспективы, то станет ясно, почему Египет, Индия и Китай так мало воевали, за исключением некоторых городских, региональных и сельских восстаний. Ясно и то, что аннексионистский и постоянно агрессивный характер цивилизаций, имеющих в целом месопотамское происхождение, также имел место в силу чрезмерной привязанности к торговле. С незаменимой ролью торговли в процессе производства тесно связано то, что цивилизации Эль-Убейд, Урук, Ур, Вавилон, Ассирия и Персия постоянно жили в условиях колонизации, экспансии и войн.

То, что греко-римская цивилизация, как в афинский, так и римский периоды постоянно осуществляла походы и вела войны как в море, так и на суше, преимущественно связано с типом торговли в бассейне Средиземного моря. С самых истоков цивилизации Месопотамия была колыбелью земледелия и торговли. В целом именно по этим причинам, начиная с 600 гг. до н. э. персы с востока, греки и римляне с запада вели свои «тысячелетние войны» как на своих основных территориях торговли и производства, так и на территории Месопотамии в силу своих связей с торговлей и земледелием Месопотамского региона.

Без торговли в Месопотамии и торговли в целом нельзя пред ставить себе цивилизацию. Должны были потерпеть фиаско или оба вместе, или одно из них, или же они должны были гармонично дополнять друг друга. Были и победители, и побежденные. Гораздо более длительный характер имели такие периоды, когда существовало равновесие, и не было победителей. Если прибегнуть к примерам, то можно увидеть, что для взаимоотношений между Эль-Убейдом и Уруком были характерны и конфликты, и определенная стабильность. Прежде они оба находились в состоянии конфликта и равновесия с обществом Верхней Месопотамии. Между Уром и династиями Аккада имело место ужасающее противостояние. Бывали и мирные времена, бывали и времена, когда и Ур и Аккад стирались с лица земли. В свою очередь, аккады и гуттии переживали периоды истории, когда между ними были столкновения не на жизнь, а на смерть, но было и равновесие сил и взаимоотношений. Аналогичные конфликтные и вместе с тем сбалансированные отношения были между Вавилоном и Ассирией. Хурриты как конгломерат племен (включая хеттов, миттанни, кассидов, мидийцев, урартов), с одной стороны, и Вавилон и Ассирия, с другой, регулярно переживали исторические периоды кровавых войн и спокойные годы. В сочетании конфликтов и баланса сил находились также хетты и египтяне. Наконец, в истории имели место «тысячелетние» (550 г. до н. э. — 650 г. н. э.) греко-римские и персидско-сасанидские войны. Такова картина войны и мира между различными кликами внутри одной цивилизации и между разными цивилизациями.

Более того, еще одной фундаментальной и неисчерпаемой категорией является восстание и мятежный дух народов, племен, рабов и городов (ремесленников), которых силой хотят принизить к цивилизации, то есть к рабству и торговой экспансии. Цивилизация является системой не только прибавочной стоимости капитализма (капитала), но и рабовладельческой системой кровопролитных, жестоких и колониальных войн, лежащих в основе излишка продукта (капитала), насчитывающего пять-шесть тысячелетий.

8. Ислам и христианство

Ислам и христианство, несомненно, являются отдельными цивилизациями. Сходства и различия между ними очень интересны и значительны. Несмотря на то, что многое сказано и написано о положении обеих религий в истории цивилизации, и о влиянии, оказанном ими на саму историю цивилизации, рассуждений научного характера крайне мало. Определенная доля в этом принадлежит факту формирования личностей под влиянием двух религий. Еще одной обязанностью, с которой надо справиться и в будущем, является развитие некоей парадигмы за рамками христианства и ислама. Толкования светски-позитивистского типа сами по себе превратились в религию сродни грубому идолопоклонничеству, которая не в состоянии подвергнуться анализу конфессии в целом и, в частности, иудаизм, христианство и мусульманство.

Реформация и Просвещение олицетворяются со стремлением приспособить христианство к капитализму. Известно, что Ренессанс не имел столкновений с христианством. Эпоха Просвещения, не принявшая религию и конкретно христианство, не только не смогла выйти за рамки самой религии, но и не вынесла никакой конструктивной критики и толкования.

Что же касается ислама, то он не только подвергался критика со стороны собственных приверженцев, но и изначально не грузился в межконфессиональные распри. Ислам, в отличие от христианства, не был подвергнут философскому толкованию. Он не знает собственного Ренессанса, Реформации и Просвещения. Течения «неоисламизма» не продемонстрировали никакого иного смысла, кроме националистических и фашистских тенденций в условиях капитализма.

Ислам и христианство можно рассматривать как вторую стадию истории цивилизации. Кризис, постигший Римскую империю в IV—V вв. новой эры, в целом можно считать кризисом цивилизации. Общий распад рабовладельческой цивилизации насчитывавшей 4000 лет, подготавливался именно в эти столетия. Историки называют эти два века «темными столетиями». Человечество, жившее под игом цивилизованного общества, испытывало острую потребность в полном освобождении, а так же интеллектуальных и материально-структурных достижений. Повсюду шли поиски цели и средств. Имело место состояние духа, выходящего из кошмара. Ощущался восход солнца, но было неясно, каким оно будет, и какой день принесет с собой. Старые верования и символы-истуканы уже не стоили и ломаного гроша. Даже императоры Рима уже не стремились к святилищу Юпитера. Рождение христианства, маниизма и ислама воспринимается в полном соответствии с духом этой эпохи, наложившей глубокий отпечаток на совершенствование мышления и поиск веры.

Возникает один крайне острый вопрос: почему христианство и ислам, будучи политическими движениями, настойчиво представляют себя теологическими движениями, то есть религиями. Ответ на этот важный вопрос было бы правильно искать не только в обстановке, о которой мы говорили, но и в освободительных моделях и интеллектуальных поисках той эпохи. Мышление, споры, программа и организация развиваются на базе ранее сформировавшихся образцов.

Наиболее значительная традиция в данном случае — это пророческая традиция в духе Авраама. Именно пророк первым извещает об освобождении. Если нет пророка, никто не поверит боевому командиру или интеллигенции, громко объявляющих себя освободителями. Поскольку традиция Авраама была очень сильной, какой-либо иной выбор практически был невозможен. Несколько иную традицию представляли апологеты маниизма. Но даже несмотря на то, что суть этого учения имеет просвещенческий характер, в силу старых традиций он о не могло добиться полного успеха. Именно с этой исторической традиционностью связано то, что и по сей день все движения, возникающие на Ближнем и Среднем Востоке, облачаются в религиозные одеяния.

Таким образом, рассуждая о христианстве и исламе, надо понять, что обе религии фактически являются чистой воды политическими движениями в религиозной оболочке. Несомненно, и них есть и идеологическая составляющая. Как нам удалось отразить в своей краткой оценке, преимущественной стороной Авраамовой религиозной традиции, уходящей своими корнями и древнюю эпоху, в частности, в мифически-религиозные мистерии в шумерских и египетских жреческих храмах, является богословие. Это связано с представлением о боге и ритуалах. Выли приложены огромные усилия для того, чтобы развить учение, отличающееся от шумерских и египетских богов и ритуалов (молебна). Постоянно развивалась «лепта толкования», приписываемая очень известным пророкам, к которым относятся Моисей, Самуил, Давид, Соломон, Иезекииль, Исайя и многие другие. Но мы знаем о великих освободительных миссиях этих личностей во имя освобождения от современных им деспотических режимов.

Причина бесследного исчезновения маниизма заключается в том, что за его спиной не было такой прочной традиции. Но традиция Авраама, несмотря на полторы тысячелетия своей истории, на момент появления Мессии Иисуса добилась лишь ограниченных успехов. Она не смогла победить ни одну цивилизацию египетского и месопотамского происхождения. Созданное им крохотное Иерусалимское царство просуществовало недолго и не имело особого влияния. Тем не менее, наиболее значительной победой этой традиции является то, что она стала голосом надежды всех угнетенных людей и тех, кто ищет пути свободы. Традиция Авраама стала совестью и центром притяжения для всех угнетенных, бедных людей, познавших тяжесть власти нимвродов и фараонов (всех деспотичных правителей) и находившихся в поисках идеалов.

История Мессии Иисуса станет намного понятнее, если рассматривать ее в этом смысле. Римская империя к этому времени давно уже завоевала Иерусалимское царство. На фоне того, как соглашатели (оракулы) действовали на стороне Рима, обстановка способствовала появлению нового пророка. Более того, из недр ближневосточных обществ, разрушенных рабовладельческим строем Рима, вытекала масса «безработных рабов», пролетариев. Эпоха родила много сект и пророков. Вероятно, Спаситель Иисус был одним из распятых пророков. В сущности многие были обречены на такую смерть. Прозвище "Спаситель" всего лишь является символическим именем. Оно становится наименованием движения бедняков, его символом. Можно назвать это движение также первобытным социалистическим движением. Однозначно то, что изначально оно было движением бедняков и беглых рабов. Последним деянием Иисуса стал завоевательный поход на Иерусалим. Он хотел основать новое царство — царство бедняков, и был своего рода римским Спартаком. Отличие в том, что он не был

воинственным. Вслед за 12 апостолами, в частности, после появления первых Евангелии (идеологического материала) и возникновения первых групп, движение обрело массовый характер.

Очень активную деятельность осуществляли святой Павел и некоторые другие апостолы. Они направились в Рим и Сасанидскую империю. Массовое участие в принятии новой веры продемонстрировали следующие народы в виде двух-трех групп: греки внутренней и западной Анатолии, ассирийцы на востоке, в Сасанидских регионах, армяне в северо-восточной Анатолии. Активную деятельность предпринимала еврейская интеллигенция, в первую очередь, святой Павел. Все это буквально сотрясало устои Рима и Сасанидской империи. Движение стало обретать полностью политический характер. Отделение Византии (Константинополя) в виде Восточного Рима впоследствии привело к принятию христианства в качестве государственной религии. Противоречие заключается в следующем: учение, возникшее в противовес Риму, в итоге становится официальной религией и идеологией большей части Рима. Такое положение вещей и ускоряет раздробление Рима, и, преобразуя империю, фактически продлевает ее существование.

Известна история Восточного и Западного Рима. Ясно, что этот процесс приводит к серьезной полемике и расслоению в среде апологетов христианства. Возникает множество течений. Дискуссии формально теологические (о монофизитстве и диофизитстве), но, в сущности, они носят политический характер. Если одна часть христиан вновь скрывается в катакомбах, то представители другой значительной части становятся наиболее сильными политическими и экономическими партнерами обеих частей Рима. Идеологические маски так и светятся политическими и экономическими красками. Христианство уже выходит за рамки религии и превращается в цивилизацию. Полный переход на рельсы цивилизации, впервые осуществленный в европейской истории под маской религии, стал возможен вследствие теологической и политической акции христианства, суть которой мы вкратце изложили.

Распространившись в X веке н. э. в Северной и Северо-Восточной Европе, христианство действительно успешно завершило свою первую историческую миссию. Позднее, особенно вместе с процессом, называемым капитализацией, начнется новый этап всемирного распространения христианства. Что касается христианства в Анатолии и Месопотамии, то есть христианства греков, армян и ассирийцев, то, будучи принятым изначально на базе Византийской цивилизации, позднее оно консолидировалось вокруг независимых церквей и ступило в цивилизационный процесс с преобладанием духовной стороны. Статус христианских народов в стратегическом смысле определил их судьбы. В частности, превращение в мишень ислама способствовало очень трагическим последствиям.

Повествование о рождении исламской цивилизации начинается на основании схожей традиции. Мекка находится в основном на пути пересечения основных торговых путей Кызылден-Халидж, Йемен, Эфиопия — Дамаск. Образовалась иерархическая аристократическая верхушка арабского племени курейш. Племя курейш занималось торговлей, поклонялось идолам. У них сформировался определенный торговый капитал. Наряду с иудаизмом, зороастризмом и христианством возникло множество различных верований. На том месте, куда прибыл Измаил, сын пророка Авраама от Хаджер (те, кто

уходили из своих родных иудейских племен), вокруг колодца Земзем была построена хижина. Это и было первым святилищем. Но позднее в ней были размещены идола. В период жизни пророка Мухаммеда было три важных идола: Лаат, Менаат и Узза. В аятах сказано про сатану. Пророк Мухаммед рождается в бедной семье бедного племени курейш.

В странах, считающих себя исламскими, остерегаются заниматься социологическими исследованиями ислама в целом и, в частности, личности пророка Мухаммеда. Такое ощущение, что они чего-то боятся. До тех пор, пока религия, являющаяся формой мышления и жизнедеятельности, не станет предметом социологического исследования, настоящего просвещения не будет. Пока это не осуществится, Ближний и Средний Восток так и останется испытательным полигоном для США и союзников. Опять же, наиболее правильный путь наилучшего познания личности пророка Мухаммеда проходит через социологические исследования. Ведь такая позиция не скажется отрицательно на обществе. Европа взяла за основу именно такую социологическую позицию, поэтому ей удалось утвердить Просвещение. До тех пор, пока Ближний и Средний Восток не реализует свое собственное Просвещение, ему не удастся осуществить революцию в мышлении. Анализ личности пророка Мухаммеда может стать одним из первых шагов в этой революции мышления. Время, в котором он жил, его личность и деятельность полностью соответствуют этому (Племя Абдулменаф — Хашими, отец Абдулла). За определенную долю он гнал в Сирию караваны, принадлежавшие занимавшейся торговле женщине по имени Хатидже. Мухаммед испытывал влияние ассирийских жрецов. Господствующую роль в торговле играли евреи. Противоречия существовали изначально.

Брак с Хатиджей изменил ситуацию. Вокруг пошли разговоры о «последнем пророке». У него появилось много учеников, среди них были и женщины. По моим предположениям, пророк Мухаммед многому научился у Хатиджи, ведь ее положение богатой женщины, занимавшейся торговлей, требовало компетентности. Велика вероятность того, что именно она могла быть первой, кто шепнул Мухаммеду на ухо слова о том, что он является пророком. Союз этих двух людей однозначно можно считать поиском власти в зародышевом состоянии. Курейшитская аристократия в силу своих консервативных традиций (идолопоклонничества) категорически была не в состоянии перейти на рельсы государственного строительства. Евреи и христиане не имели на них влияния, и их фактически не признавали. Были и материальные противоречия. Повествование о Хаджер и Исмаиле является типично арабским сказанием, оно вдохновляет. Он признает все существующие вокруг верования и секты. Но понимает, что не одно из них не в состоянии реализоваться, то есть не сможет создать политического единства в рамках Аравийского полуострова. Вдохновленный Хатиджой, Мухаммед становится кандидатом на эту роль. В качестве идеологической составляющей постоянно присутствует арабская ветвь традиции Авраама, а всему остальному нетрудно было научиться у талантливых ассирийских монахов.

Первая весть о том, что Мухаммед является пророком, пришла к нему в 610 г. н. э. Это был наиболее яростный период противостояния между Византией и Сасанидами. Такая ситуация считается шансом для Аравийского полуострова. На пути Мухаммеда находились два препятствия — это курейшитские и еврейские колонии. Статус пророка изначально имел смысл политического лидерства. Иного не могло быть в принципе. Возвания пророка свойственны политическим деятелям. Это было становлением новой империи на Ближнем и

Среднем Востоке. Жизненно обновленная и актуализированная еврейская идеология открывается перед всеми народами во главе с арабами, по следовательно расширяются существующие узкие рамки. Новый стиль жизни обставляется религиозными ритуалами и, благодаря хорошей стратегии и тактике, распространяется по всему миру. Ислам можно назвать первым содержательным интернациональным движением. По сути, образцовое политическое движение имеющее собственную идеологию, политическую программу, лидерские позиции, стратегию и тактику, начало путь, оставляя след на каждой странице истории.

Очень интересен тот факт, что название «ислам» означает «мир». Вероятно, предвидя очень конфликтный и противоречивый процесс, родоначальники ислама придавали миру очень серьезное значение. Существовали три основные цели, которые следовало достичь: Византия, Сасанидская империя и аристократия курейшитов. Стремление к достижению первой цели и Мекке оборачивается бегством (хиджретом) в 622 г. н. э. В Медине Мухаммед подготовил первый общественный договор. Этот новый договор не нравился только малочисленной родоплеменной аристократии, но подавляющему большинству племён он пришелся по душе. Обещанный рай — это имущество Византии и Сасанидов, ад — это прежний стиль жизни. Жизнь в пустыне в принципе во многом напоминает адские мучения. После отпора первым нападению агрессии курейшитского племени (Беда, Ухид, Хендек) результат обрел определенные черты. Рождение первой арабской республики (демократии) стало вопросом одного мгновения. Имели место активные дискуссии и собрания (мечеть ассоциировалась с обществом). В противоположность общепринятому мнению первые мечети все же были местами не молитв, а проведения собраний и дискуссий.

После смерти Мухаммеда 632 г. предводитель недавно утратившей власть аристократии Муавия с помощью интриг (естественно, что он был мастером своего дела), вновь постепенно взял власть в свои руки. Убийство истинно верующего и принципиального человека, коим был пророк Али, открыло Муавии и его знати дорогу к султанату (монархии). Династия пророком утратило свое политическое значение после трагического убийства пророка Хусейна в Кербеле. Но новая торговая клика арабов не довольствовалась властью только на полуострове, она стремилась к имуществу и богатствам Византии и Сасанидов. Великие завоевания одно за другим увенчивались победами. Огромные потери понесли евреи и христиане Аравийского полуострова. В середине VII века уже полностью завоевана Сасанидская империя, частично — Византия и Северная Африка, и халифат уже стоял у ворот Константинополя.

Этот быстрый завоевательный стиль можно сравнить с материально-культурными последствиями молниеносных походов, осуществлявшихся Александром, вдохновленным духом македонян в соединении с греческой философией. Мужество арабских племен, усиленное духом новой религии, основанной на фундаментальном наследии, обеспечило победы в завоевательных войнах в стиле Александра Македонского. Это сформировало еще одну масштабную ветвь второй волны цивилизации. Был достигнут успех в последнем крупном цивилизационном скачке Востока.

Интересный момент в истории ислама заключается в том, что он оказался в тесном переплетении с властью не через три столетия после своего рождения, как это происходило

в христианстве, и непосредственно с момента своего провозглашения: ислам фактически зародился как политическая власть. Угнетенные, подавленные и беднейшие слои, истинные трудящиеся будут быстро отстранены от власти, и, вооружившись свежим, изголодавшимся духом племен, вокруг райских дворцов и мечетей начнется образование нового мощного государства. Научно-социологическое исследование факта превращения маленького городского торгового клана в империю в течение короткого промежутка времени (640-650 гг. н. э.) может иметь глубоко поучительный характер, и это исследование не должно игнорировать религиозных целей, которые ставили перед собой родоначальники упомянутой империи.

Мое личное мнение таково: историю столь быстрого становления власти могут объяснить многолетний вакуум власти на Аравийском полуострове, социальный хаос (межплеменные распри), устаревшие особенности, свойственные Византийской и Сасанидской империям, личные качества пророка Мухаммеда. Ислам завоевал не только традиционные сферы цивилизации Ближнего и Среднего Востока, но дошел до середины Индии, до Средней Азии, и внутренних районов Кавказа, до юго-восточных окраин Азии (Индонезия, Малайзия), до двух важнейших полуостровов юго-западной и юго-восточной Европы, коими являются Иберийский и Балканский полуострова.

Несмотря на то, что ислам был столь крупным военно-политическим движением, как религия он не раскрывает действительности, а скорее вуалирует истину. Ислам — это символическое название. Такие понятия, как «Аллах и пророк» уже давно были развиты евреями. Думаю, что пророка Мухаммеда сильно рассердили критические высказывания евреев Медины о том, что «украли нашу религию, теперь используете ее против нас». Возвеличивание монарха и его помощников в социологическом смысле корнями может уходить к шумерским и египетским мифам. Но содержание, которым обогатил пророк Мухаммед такое понятие, как «Аллах», сильно отличается от этого. Аллах — это своего рода энергия Вселенной. Но исламские социологи не дали никакого социологического объяснения этой теме. Условия веры — это своего рода теоретические принципы. Молитвы созданы для того, чтобы постоянно поддерживать живую связь с практикой. Большая часть молитв появилась для удовлетворения нравственных и правовых потребностей периода. Торговля и земледелие были рентабельны, и для этого были созданы правовые нормы. Жизненная идеология, оставшаяся от первого рабовладельческого этапа цивилизации, подверглась жестким изменениям. Иноверие стало синоним чужого, подлежащего немедленному уничтожению. Идеологическое большинство признавалось только в отношении последователей Авраамовой традиции.

Ислам более открыт для светского образа жизни, нежели христианство. Объективно это так. Но война против старого стиля жизни чревата очень негативными последствиями. Исторические культуры народов под предлогом религий (вместе с христианством) или уничтожались, или подвергались ассимиляции, например, как зороастризм и маниизм. Ясно, что новая жизнь, привнесенная исламом, способствовала формированию феодальной аристократии. Вместо тандема «бог-царь» появился тандем «бог — его тень султан». В итоге неизбежным стало появление деспотических султанских режимов. Как религия ислам не обладает способностью, необходимой для предотвращения деспотизма. Что касается христианства, то здесь можно сказать даже больше. Оно не только оказалось открытым для

монархии, но сделало институт монашества чуть ли не партнером власти. Обе религии проявили немало усердия для перевода поработанных слоев населения, поставленных вне государства и цивилизации, в более мягкий статус крепостных крестьян и слуг, что в некотором смысле еще хуже рабства. Обе религии не отрицали рабства как такового. Их особенностью стало стремление еще сильнее защитить и иерархию, и государственную власть. Обе религии поощряли развитие народностей и способствовали этому.

Несмотря на то, что с точки зрения времени и места две религии (включая иудаизм) стали только вторым притоком в основную реку цивилизации, им не удалось решить ни проблемы между господствующими монополистскими кликами, ни проблем свободы и справедливости демократических общественных сил, выдворенных за пределы цивилизации. Напротив, война, имевшая место на второй стадии цивилизации, усугубила проблемы свободы и справедливости.

А. К монополистским структурам власти прибавились новые, но на фоне этого не было качественного подъема эффективности в ремеслах и земледелии. Увеличилось количество сторон, борющихся за излишек продукта. Эмиры (принцы) превратились в таких же монополистов, как султаны (монархи). Увеличилось число династий. В сравнении с прежними этапами теоретически разрослось количество прослоек, претендующих на свой «кусочек в пироге» власти. Как некий средний класс, они воевали до тех пор, пока не получали свою долю. В Европе и России имела место ожесточенная борьба между феодалами-помещиками. Монархи, раздув бюрократический аппарат, расширили число проблем, связанных с доходами.

Б. Те, кто в целях поиска освобождения, свободы и справедливости приняли ту или иную религию, не найдя того, что надеялись найти, постоянно демонстративно оказывали сопротивление и в виде различных сект и течений.

В. В духовной культуре происходило следующее: старая культура, называемая «средневековой тьмой», была полностью уничтожена, но новая культура не развивалась, а вместо этого нескончаемые теологические дискуссии и межконфессиональные стычки довели людей до состояния теней, безвольных, полностью оторванных от мира сего и от истории, которая была принижена до уровня религиозных повествований. Люди, попавшие в плен представлений о рае и аде, оказались не в состоянии осознавать этот мир и были полностью непригодны для жизни. Монопольные клики тем временем возводили для себя райские дворцы и крепости. Городская культура и философия отставали от старого влияния.

Г. Самое ужасающее заключалось в том, что в раннюю эпоху не прекращались экспансивные войны во имя распространения своей власти, которые велись под лозунгом «на небе один бог, на земле один султан». Эти войны были кровопролитными, как войны за завоевание всего мира. В войне во имя Бога пролито больше крови, нежели некогда в битвах между богами. Вслед за первой стадией развивались процессы распространения и колонизации. В сравнении с ранней эпохой конфликты внутри общин стали более постоянными и систематическими. Межконфессиональные распри обрели затяжной характер.

2.3. Положение Европы на заре рождения капитализма

Ни христианство, ни ислам не смогли найти путей урегулирования окончательного кризиса, который последовательно углублялся параллельно процессу распада Римской империи в период рабовладельчества. Развернутая ими система, называемая «феодальной системой» или «средневековой цивилизацией», не имела никаких отличий от рецептов шумерских и египетских жрецов. Более того, своими труднодоступными метафизическими рецептами, при помощи политических программ и практических акций столкнула общество в полосу, называемую «средневековой тьмой». Многие культурные ценности, существовавшие в раннюю эпоху, уничтожались. Кризис Рима еще больше усугублен его наследниками. Все общества в сфере этой цивилизации ожидали своей очереди в виде рая и ада, они были превращены в некие призраки, которые последовательными шагами вливаются в военные ряды, и, казалось, уже выдворены за пределы всего живого на планете.

Что же конкретно мы видим на этой таблице, представленной нами теоретически, в виде основных пунктов?

А. Греки, армяне, ассирийцы, первыми принявшие и осознавшие христианство, по итогам исламских завоеваний потеряли большую часть своих культурно-исторических пространств. Греки стремились сохранить свою идентичность под натиском Рима, армяне и ассирийцы — под натиском Византии и Сасанидов, но, утратив большую часть после завоевательных походов ислама, фактически оказались в самой трагической ситуации. Они потеряли сферы своих материальной и духовной культур, насчитывавших несколько тысячелетий. Больше всего в этот период обрели и значительно расширили свои жизненные пространства тюркские и арабские племена. Курды и персы смогли лишь сохранить имеющееся. В сравнении с этим только русские, благодаря христианству, обрели больше всех. Тюрки, татары, монголы, даже китайцы многое потеряли в сравнении с русскими.

Б. Племена, населявшие Европу, приняв христианство, стабилизировали свои достижения и победы. Если в родоплеменной сфере в силу общей веры имело место частичное развитие, то жреческая аристократия и следом за ней землевладельцы потеряли значительную часть своих владений и накоплений. Превосходящие стороны неолита были поставлены под угрозу ассимиляции. Но то, что в этот период утвердились первые национальные факторы, является исторической истиной.

В. Аборигены Африки, Америки и Австралии не смогли сохранить родную культуру, потеряв на долгое время свою идентичность под напором христианства и частично мусульманства. Индусы остались в стороне. Китай не нашел в себе смелости противопоставить этим религиям собственную экспансию.

Поскольку средневековая цивилизация, по моему выражению, «вторая стадия цивилизации», вместо выхода из кризиса завершилась еще большим его усугублением, позиция Европы обрела некий стратегический характер. Проигрывая борьбу за цивилизацию, Европа проиграла бы все, а побеждая, утвердила бы свое стратегическое превосходство. Война за цивилизацию, несомненно, была войной двух стратегических сил: Средневековья, то есть европейского христианства и приближавшегося к Европе мусульманства. Положение было гораздо более спутанным, нежели это принято считать.

К XV столетию христианство уже закончило процесс распространения по всей Европе, перейдя на уровень священных монархий и княжеств. Священная Римская империя считала, что может развить наследие Рима. Но у нее были противники, возражавшие против этого. Во главе этих противников шла французская монархия. Набирала силу и выдвигала аналогичные претензии также Габсбургская династия в Австрии. Русские цари давно уже (после падения Константинополя) объявили Москву «третьим Римом». Польша, как культура, обретшая себя в лоне христианства, уже не собиралась уступать кому-либо свои передовые позиции. Англия и Франция в это время вели Столетнюю войну. Христиане Испании и Балканского полуострова были вынуждены защищаться. Итальянские города находились на стадии капитализации, с другой же стороны, предводительствовали Ренессансу. Ожидалось, что такой город, как Рим, укрепившись и сохранив свое единство, фактически станет примером для всей Европы. Они по горло увязли в торговой конкуренции, и столкновения между ними имели ожесточенный характер. Единственным вкладом стала главенствующая, на протяжении последних двух столетий, роль в урбанизации Европы расширение торгового капитализма до Европы и подготовка стратегических возможностей. С большой долей вероятности можно сказать, что эта стратегическая возможность станет важнейшим шансом Европы, XVI век это подтвердит. Крестовые походы завершились не так, как этого ожидали. Будущее Европы было неопределенным.

Именно в этот период арабы-мусульмане продолжали осуществлять стратегические атаки через Иберийский регион Испании. Однажды им удалось войти на территорию Франции, откуда они были с трудом вытеснены. Если бы французы уступили арабам этот фронт, вся христианская Европа была бы колонизирована и уничтожена. Через Балканский полуостров османские императоры молниеносно достигли Австро-Венгрии. Они оказались у ворот Польши. Если бы их не остановили, то также как и Рим, Европа тоже потеряла бы свое культурно-политическое существование. И османские турки, и андалузские арабы в Испании знали, что если не одержать окончательной победы над Европой, один за другим они однозначно окажутся в полосе потерь. Золотая Орда, унаследовавшая власть монголов, в любой миг могла напасть на Европу через Северное Причерноморье.

У Европы есть несколько особенностей, имеющих достаточно глубокие корни. Еще были свежи традиции родоплеменной демократии. Народы еще не осознали всей глубины цивилизованной рабовладельческой системы. Они воспринимают христианство в высшей

степени поверхностно. Их сознание в полном смысле еще не было завоевано. В особенности, это имело место на северной линии. Сохранилась сильная связь с естественной природной жизнью. Они находились на самой быстрой, и свежей стадии урбанизации. Поскольку города еще не познали власти царей и императоров, в них преобладали демократические особенности. Во всех городах было полудемократическое управление, и между ними устанавливалась конфедерация. Они не признавали никакого господства, навязанного помимо их воли. Все царства и латифундии возникли недавно и еще свежи. Их способности, связанные с представлением интересов Европы, и представительская практика ограничены. В крестовых походах многие из них просто выпали из строя, как листочки осенью.

В сравнении с христианской цивилизацией исламская оказалась более опытной. За ее спиной стоял мир древней цивилизации. Ислам лучше был знаком с проблемами власти. Высоки была уверенность мусульман в своих силах. Наконец, поскольку свою религию и пророков они представляли сами, они оказались гораздо догматичней. Мусульмане не только не потерпели поражения в первых крестовых войнах, более того, они и по сей день контролируют торговые пути. В торговле мусульмане по настоящее время превосходят всех остальных.

Если смотреть из глубины этих реалий, можно с легкостью обнаружить, что Европа пережила кризис цивилизации во всем его глубине. Постоянно росла угроза, исходящая от ислама, то есть турок и арабов. Пал Константинополь, султан Мехмет Завоеватель направил свою армию на юг Италии, в Отранто. Ислам как религия завоеваний, из-за массового изгнания племен стал просто кошмаром для Европы. Христианство оказалось не той цивилизацией, которая могла бы противостоять этому ужасу. Оно постоянно проигрывало и несло потери. Осталась единственная линия противостояния — это Вена. Если бы пала Вена, очень тяжело было бы сдержать ислам и турок.

В такой ситуации гораздо больший смысл имело чрезвычайное усердие итальянских городов в их стремлении к торговому капитализму и зарождение Ренессанса. Оба движения, кстати, были для Европы одновременно проблемой жизни и смерти. То, что происходило на Апеннинском полуострове, с этой точки зрения имело судьбоносное значение.

Христианство и ислам, как две антикризисные силы, возникшие на исторической арене с претензиями на освобождение человечества из тьмы, охватившей распадающийся Рим, и просвещения человечества, усугубили кризис в собственных структурах и взаимоотношениях, тем самым способствовали повторному возникновению проблем освобождения и просвещения. Европа должна урегулировать кризис, развитый и усиленный двумя представительскими силами второй стадии цивилизации, или же ей грозит участь Рима, погрязшего в глубинах мутных вод.

Именно здесь стоит вопрос о том, может ли капитализм, рождение которого установлено в XVI столетии, стать средством решения проблемы, возникает со всей актуальностью. Особенности рождения капитализма, может быть, предоставят шанс урегулирования кризисов, порожденных исламом и христианством позднего средневековья (XIV - XV вв. н. э.). Действительно, опыт Голландии и Англии XVI века проливает свет на методы

урегулирования кризисов. Но, исследуя подробно эти особенности, мы постарались обратить внимание на риск того, что кризис третьей стадии цивилизации углубится и распространиться по всему миру гораздо быстрее кризисов двух предыдущих стадий. Существование капитализма в форме войн, политики и экономических монополий является основным фактором кризиса всей истории цивилизации. Это и продукт, и колыбель кризиса одновременно. Кризисы могут быть классифицированы по месту и времени. Но и это не будет решением проблемы. Все, что происходило с XVI века вплоть до кануна XXI века, с лихвой подтверждают мои слова.

Две последующие главы будут называться «Национальное государство» и «Индустриализм». Исследовав эти два средства, которые капитализм впервые в истории использовал как основные пути решения социальных проблем, в итоговой части я постараюсь резюмировать свои мнения и суждения о капитализме как непосредственно кризисном режиме, как цивилизации кризиса.